

ПРЕЖДЕ,
ЩЕ ЧТО-ТО
СЕРЬЕЗНОЕ
ВРАТЬСЯ ЧИТАТЬ,
ПОПРОБУЙТЕ
ДЛЯ РАЗГОНА ЗДЕСЬ
БУКВЫ
ПЕРЕСЧИТАТЬ»

Сведка

16+

№ 1 (69) 2019 г.

газета о культурной жизни
совместно с магазином «Полка»

ЕДА И КУЛЬТУРА
project

НОВОЕ ТАКСИ
НИЖЕГОРОДЕЦ

**Непревзойденный
уровень комфорта!**

**Детские удерживающие устройства
Таксометр с кассовым аппаратом**

Класс «Премиум» – Hyundai EQUUS

Класс «Комфорт» – Ford Mondeo

(831) 4-216-116

(831) 200-22-22

Первый независимый книжный Нижнего

«Полка»

г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, 48, 2-й этаж

Мария Гончарова,
главный редактор

Номер про чтение – это, конечно, одна большая любовь, я очень люблю читать. Если сейчас начать вспоминать и ностальгировать, как ко мне попали первые книжки и что это были за книжки, то не хватит вот этой страницы А3. Я могу бесконечно признаваться в любви к Незнайке и «Денискиным рассказам», Карлсону и Тому Соьеру, Верс с Анфисой и всей серии «Черный котенок» (ох уж эти всеядные дети в 90-е). Я читаю всегда, и до последнего мне казалось, что, ну, как-то много, что ли. Когда-то завела себе в инстаграме хештег #35книгзагод, и вот примерно такой была моя читательская амбиция – пытаться неспешно прочитывать хотя бы три книги в месяц и жить счастливо.

Многие меня хвалили и поддерживали, мол, а я-то и десятка за год не читаю. Но тут случилось страшное, произошла история, которая вывела меня из гармоничного сосуществования с литературой. Меня включили в жюри премии «НОС» и заставили (ну, правда заставили) за месяц прочитать 22 книги современных российских авторов. Я человек ответственный, с задачей справилась и даже немного проанализировала прочитанное. Теперь я читать не могу ничего. Разве что подшивку журнала Elle Girl за 2003 год или инструкцию к применению витамина Д, а еще тексты, которые вы читаете в новой «Селедке» – про профессиональных читателей, правила выбора хорошей книги, домашние библиотеки, независимые книжные и интервью Льва Данилкина.

Коллеги меня теперь называют «изнасилованным читателем». Не будьте как я, будьте как Саша Карлюк, который стал приглашенным редактором этого номера, читает много и делает наш город лучше, ведь в его «Полке» всегда самые классные книжки. Надеюсь, пройдет полгода, и я к нему дойду за какой-нибудь «Бесконечной шуткой» или лучше за безобидным Драгунским.

Александр Карлюк,
основатель книжного магазина «Полка»,
приглашенный редактор

Книга – первое, что попросил купить у мамы. Трудно представить лучше историю для основателя книжного. Теплый вечер, мама вышивает. «Можно, вы купите мне книгу?» Ее удивила не просьба, а мой извинительный тон. Это был первый подарок, который попросил не на праздники. Книга до сих пор хранится дома.

В студенческие годы с одноклассниками мы мечтали открыть бар. Ну, или какое-то околонультурное место, но обязательно с живым общением. Помню, как один из них напоминал про Мураками и его джазовый клуб «Питер Кэт». Японский писатель стоял за стойкой, потчевал и общался с посетителями, а после закрытия писал.

Мы пересекались с книгами на протяжении всей жизни. В коробках, которые постоянно накапливались на очередной съемной квартире, на улицах, в руках у знакомых, в модных коворкингах или кофейнях. Конечно, книжных. Один из них – мир спокойствия в красивом киевском центре. Здесь узнал, что существуют классные магазины с прекрасным ассортиментом, в котором ты не понимаешь/знаешь половину авторов и тем. Этим они и хороши, каждый раз ты находишь здесь новое и полезное.

Книжные отношения закрепились в стенах маленькой «Полки». Она выросла за четыре года нашего знакомства. Уже не успеваю знакомиться очно или заочно с подписчиками почти 20-тысячной страницы, даже могу забыть, где лежит искомая книга.

Не знаю, началось бы это книжное путешествие, если бы мама не купила мне ту самую книгу. Но уверен, книга – прекрасный друг. Ей плевать на твой социальный статус, эпоху и тон, которым принято говорить. Она не думает о моде, потому что самодостаточна, но отдается каждому человеку на сто процентов и даже снимает стресс.

Самый популярный вопрос обо мне и «Полке»: почему Нижний? С идеей книжного все просто. Был уверен, что здесь есть независимый книжный. Куда смогу зайти, перекинуться парой слов с основателем и буду уверен, что он отвечает за каждую привезенную книгу. Но это было не так. А дальше – высшая математика, которую иначе как чудом и не назовешь. Мне остается сказать уже знаменитое для многих: «Читайте хорошие книги, жизнь сделает остальное», – встречать нового читателя и с радостью ждать новых.

Где мы есть

Места распространения газеты, в которых «Селедка» находит свое прибежище

ЕДА И КУЛЬТУРА

project

«Селедка и кофе» ул. Рождественская, 19
«Безухов» ул. Рождественская, 6
«Буфет» ул. Ошарская, 14
Mikka ул. Ошарская, 36 б
Mitrich Steakhouse ул. Ковалихинская, 8
Mitch ул. Ковалихинская, 8
«Фидель» ул. Алексеевская, 15
«Молоко» ул. Алексеевская, 15
«Молоко Лето» ул. Б. Покровская, 52
«Молоко Клумба» пр. Гагарина, 32
«Молоко Leto» ТЦ «Водный мир», ул. Янки Купалы, 30 а
Fidel Club ТЦ «Ганза», ул. Родионова, 165, корп. 13
Fidel ул. Звездинка, 24
Freakadely ул. Октябрьская, 6
Butch&Dutch ш. Южное, 22 а
Butch&Dutch Нижневолжская наб., 21
Rozas ул. Зеленский Съезд, 10

Арсенал Кремль, корп. 6
Русский музей фотографии ул. Пискунова, 9 а
Выставочный зал «Покровка, 8» ул. Б. Покровская, 8
Нижегородский государственный художественный музей Кремль, корп. 3
Усадьба Рукавишниковых Верхневолжская наб., 7

Галерея FUTURO ул. Рождественская, 6
«Кладовна» ул. Б. Покровская, 8
Выставочный комплекс пл. Минина и Пожарского, 2/2

«Жук Жак» ул. Б. Покровская, 57
«Никола Хаус» ул. Пожарского, 18
Fabrika Hostel & Gallery ул. Рождественская, 24
Sheraton Театральная пл., 1
Ibis ул. Горького, 115
«Привет, я дома!» Казанское шоссе, 6

ННГАСУ ул. Ильинская, 65
ННГУ им. Н. И. Лобачевского ул. Б. Покровская, 37; пр. Гагарина, 23
НГЛУ им. Н. А. Добролюбова ул. Минина, 31 а
НИУ ВШЭ ул. Б. Печерская, 25/12

ТЮЗ ул. Горького, 145
Театр драмы ул. Б. Покровская, 13
Театр «Комедия» ул. Грузинская, 23
Учебный театр Нижегородского театрального училища ул. Б. Покровская, 4 а

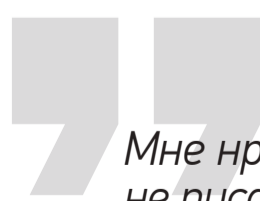

POPS ул. Семашко, 30; Молодежный проспект, 28 а
SONO-STYLE ул. Белинского, 71/1
Chop-Chop ул. Ошарская, 1/2
Birdie ул. Звездинка, 24

Нижегородская филармония Кремль, корп. 2
Trood Tattoo ул. Большая Покровская, 48
«Пшено» ул. Звездинка, 12 а
«Орленок» ул. Б. Покровская, 39 а
Intel ул. Тургенева, 30
«Книжная галерея» ул. Володарского, 40
«Салют» ул. Октябрьская, 9 а
«Рекорд» ул. Пискунова, 11
«Пастарама» ул. Пискунова, 15
Приволжская медиашкола ул. Невзоровых, 87
Noot ул. Б. Покровская, 15
«Зарница» пр. Гагарина, 114
«Юла Pizza» ул. Октябрьская, 9 б
«Вспышка» ул. Алексеевская, 11
«Бокер Тов» пл. Горького, 2
«Полка» ул. Большая Покровская, 48, 2-й этаж

Слова

Мне нравилось находить тексты, о которых никто не знает, никто не писал, и поэтому хочешь не хочешь приходилось делать вид, что ты знаешь больше, чем кто-то еще: зажмуриться, поднять палец вверх и прошептать: «О, вот оно, ТО САМОЕ!»

«Мне хотелось бы не читать»

Писатель Лев Данилкин – о фетишизации художественной литературы, жанре биографии и самой важной статье Ленина

Интервью: Мария Гончарова, Александр Курицын
Фото: Александр Гулинов

– Вы помните, как и при каких обстоятельствах научились читать?

– Первые буквы, – или даже шрифты, – которые я помню, были не книжные, а пластиночные, я вглядывался в надписи на конвертах для пластинок: «Маленький Мук», «Остров сокровищ», «Конек-Горбунок», «Старик Хоттабыч». Мне нравилось не читать, а слушать. Переключение именно на чтение связано скорее с обстоятельствами: болезни, кризисы, смена картины мира, когда сидишь дома, и у тебя избыток времени – ты вглядываешься в эти иероглифы, и они постепенно начинают для тебя что-то значить.

– Как вам в детстве объясняли пользу чтения?

– Наш дом был забит книгами так, что не повернуться, чего уж тут объяснять, – наверное, имело смысл это делать, чтобы они не лежали мертвым грузом.

– У каких книг в вашей семье был «священный» статус и почему?

– Были книги, которые читались по тысяче раз. «Хуторок в степи» Катаева, «Васек Трубачев и его товарищи», «Двенадцать стульев» – вот это все. Не сказал бы, что это были «иконы» и кто-то молился на них, но никакого другого серьезного имущества, кроме полных собраний сочинений, не было. ПСС доминировали в квартире: от Пушкина до Горького, все было, кроме Лескова, поэтому я его плохо знаю. Иностранцы – Жюль Верн, Фейхтвангер, Теодор Драйзер. Моим абсолютным фетишем была 20-томная «Библиотека приключений» 1950-х годов, и я на всю жизнь запомнил, как в третьем классе где-то в школе загубил желтый том оттуда – «Оцеола, вождь семинолов».

– О чем вы писали сочинение в выпускном классе и какая у него была главная мысль?

– В выпускном не помню – помню про вступительное. Попалось что-то про басенную традицию в творчестве Салтыкова-Щедрина. Мысль состояла в том, чтобы скрыть, что сам я не люблю Щедрина (ну, кроме «Головлевых») – не мой тип сарказма. Но тему я знал и «раскрыл» ее – eiskalt und blitzschnell, что называется. Потом у меня пропал этот дар – сейчас я пишу медленно и понятия не имею, что напишется.

– Как вы вообще оказались в книжной и критической сфере? И почему ушли из нее?

– Я вот тоже иногда натыкаюсь на свои старые рецензии, особенно первых лет в «Афише», и у меня волосы дыбом встают – господи, кто вообще пустил этого человека в книжную сферу, как он мог судить о каких-то чужих книжках, это же чудовищная безвкусица, чудовищный язык. Да, я был то, что у Чингиза Айтматова называется «манкурт», в каждой рецензии старательно делал вид, что это первая книжка, которую я прочел. Отказался – потому что надоело. И я бы не хотел, чтобы на моей могиле было написано: «литературный критик».

– Как вы можете вообще охарактеризовать состояние литературной критики в России? Следите за тем, что происходит, или неинтересно?

– Я жадно читаю рецензии на нон-фикшн – переводной в основном, правда, скорее не как рецензии, потому что рецензия – это все же род стихотворения в прозе, а как некоторые дайджесты. Насчет состояния литературной критики: если честно, я всегда был – в этом и только в этом смысле – эгоцентриком или, прости господи, даже нарциссом, то есть меня интересовало исключительно то, хороши ли мои собственные последние пять рецензий, а не чьи-либо еще – или, там, каким образом наша коллективная деятельность влияет на температуру под всем куполом. Все-таки про «состояние литературной критики» должен говорить кто-то вроде Белинского; кто-то, для кого литература – это способ бытования идей, которые должны повлиять на общество тем или иным образом. Я на протяжении многих лет дистанцировался от такого понимания литературы – только для того, как выяснилось, чтобы – уже задним числом, выйдя на пенсию, – понять, что, конечно, да, литература – это прежде всего социальная практика.

– В свое время в «Афише» вы открывали для читателей каких-то самородков – вы относились к этому как к некоторому популяризаторству или находить нестандартного автора было просто фо-фан? И тут же вопрос: наверняка за время вашей работы кто-то пытался воспользоваться авторитетом и рецензию заказать, как вы пресекали такие попытки?

– Ну, невозможно заставить человека написать рецензию, и если я не хочу про что-то писать, то и не буду, просто из упрямства. А потом, в этой сфере не может быть сечиных и улюкаевых, здесь не циркулирует никаких денег в принципе, и поэтому не надо прилагать никаких особых усилий, чтобы наслаждаться репутацией «анкоррентиблия». Да, мне казалось, что тебя держат не за то, что ты выцепил у «Эксмо» очередную новинку Пелевина чуть раньше, чем обычные читатели, и сообщил городу и миру, что роман, кажись, снова неплохой. Эта работа подразумевала поиск новых имен – «Афиша» всегда этим славилась. И да, мне нравилось находить тексты, о которых никто не знает, никто не писал, и поэтому хочешь не хочешь приходилось делать вид, что ты знаешь больше, чем кто-то еще: зажмуриться, поднять палец вверх и прошептать: «О, вот оно, ТО САМОЕ!»

– Продолжите фразу из журнала «Афиша», которую раньше вы частенько использовали: «Если вы читаете одну книгу в год, то в 2019-м это должна быть...»

– «Балтийская сага» Евгения Львовича Войсунского.

– Сегодня все чаще говорят о том, что художественная литература сильно переоценена, и опять же в своем недавнем интервью вы это упоминаете. Как думаете, с чем связано это мнение, как оно характеризует сегодняшнее время?

– Фетишизация художественной литературы – явление, имеющее определенные исторические рамки. Может быть, кому-то кажется, что роман, фикшн всегда доминировал в сознании читателей. Так вот это, конечно, не так, это началось, по сути, с XVIII века, и это, видимо, связано с трансформацией феодального общества в буржуазное. Наверное, сейчас общество еще раз меняется – и меняется система ценностей в искусстве, потому что искусство делают гении, но все равно сам тип его связан с социумом в целом. Словом, я думаю, что «инфоцентричному» обществу более подходит такая иерархия типов словесности, в которой верхние этажи занимает не выдумка, а нон-фикшн. Я не знаю, так это или не так на самом деле, еще не отрефлексирован этот процесс, но навскидку я бы так объяснил это ощущение: что, условно говоря, Сталин и Черчилль занимались литературой – во всех смыслах, а Путин и Трамп – нет.

Еще относительно художественной литературы сегодня: есть такое ощущение, что нынешним людям просто неинтересна «охота за литературными сокровищами» – всеми этими «гениальными романами, о которых никто не знает». Хотя, возможно, я сам проецирую себя нынешнего, который предпочтет какую-нибудь крепкую книжку по истории какому-то «тайному гению», на других людей.

– Существуют ли у вас редакторские правила или правила работы с текстом?

– Да какие тут правила... Просто либо есть в тексте музыка, либо нет. Если нет, то ты просто реализуешь некий стандартный протокол, но это техническая работа, ее можно на автомате выполнять.

– Есть ли у вас правила, ограничения или практики чтения (и в чем они) или вы можете читать где, когда и что угодно?

– Просто если могу не читать ничего – не читаю. Мне хотелось бы не читать.

– Есть ли у вас собственные табу – чего нельзя делать с книгами?

– Как говорил Карл Маркс, «книги – мои рабы». Когда бумажные читал – заминал, из переплета выдираю, если тяжело было тащить; исчеркивал. Только к старым, «по наследству» мне доставшимся книжкам относился с благоговением: до сих пор, когда мои старые тома «Библиотеки приключений», с «Томом Соьером», или «Нортиком», или «Детями капитана Гранта», но мне в руки попадают, трясусь над ними. Сейчас я почти все читаю с телефона, либо с Флибусты, либо в библиотеке себе фотографирую страницами и потом отчитываю. Мне абсолютно все равно, бумажная книга или еруб, я не различаю практически, как вот Ленина я читал и так, и так.

– Почему для вас важен жанр биографии? Что он дает? Почему вы работаете именно с ним?

– Во-первых, потому что в нем нет обязательного канона – можно, по сути, хоть нон-фикшн в стихах напечатать в качестве ЖЗЛ. Во-вторых, потому что мне интересны странные идеи и их приключения, но общеизвестно, что истории идей лучше всего рассказывать через истории людей. Биография – это отличный способ показывать, что идеи действительно материальны. И в-третьих, потому что это вроде как детективное расследование: ты пытаешься понять поступки того или другого человека, вычислив, что было у него в голове, ту идею, которой он был одержим; ты начинаешь разгадывать смысл траектории его жизни – видя, как идея владеет и руководит человеком, как она осуществляет себя через его тело, материализует свою власть.

– Есть ли у вас литературный секретарь? Или эти функции ушли в девайсы?

– Это как в каком-то детском рассказе про Ленина, когда одноклассники якобы спрашивают его: «Ульянов, вот у меня десять слуг, у него пять, а у тебя сколько?» И тот говорит: «У меня двое: и сапоги чистят, и нос вытирают», – и показывает руки. Вот и у меня такой же секретарь. Смеетесь? Я что – Лев Толстой?

– Какую статью Ленина вы советуете прочитать и почему?

– «Государство и революция». Это очень важная вещь, потому что там показано, что государство – это зло, машина насилия и что марксизм вовсе не фетишизирует государство, а наоборот, революция должна создать в конечном итоге такие условия, когда государство само отомрет. Именно это было в голове у Ленина после 1917-го. Государство – зло, и не неизбежное. Чем больше я про это думаю, тем больше мне так кажется. ■

Тема номера

Независимые региональные книжные магазины

В России, по скромным подсчетам нашего приглашенного редактора – владельца магазина «Полка» Александра Карпюка, около тридцати независимых книжных, которые, несмотря на популярность электронных изданий и заказы на «Лабиринте» и «Озоне», продолжают свое нелегкое дело и популяризируют качественную и нерядовую литературу. Мы задали владельцам четырех магазинов по четыре вопроса, которые как будто проясняют положение дел.

1. Когда вы открылись? Топ-5 продаж за 2018 год.
2. Какие активности существуют в вашем магазине, кроме продажи книг?
3. Каким образом вы участвуете в жизни города, популяризации, какие каналы для распространения информации используете?
4. Что изменилось за время существования?

**«Синяя птица» (Брянск),
основатель Елена Михайлова**

1. Наш книжный магазин-клуб открылся в декабре 2016 года.

Топ продаж за 2018 год:

- «Секреты человека», Луи Стюарт, издательство «Робинс»;
- «Груффало», Джулия Дональдсон, издательство «Машины творения»;
- серия про Петсона и Финдуса, Свен Нурдквист, издательство «Белая ворона»;
- «Знаешь, как я тебя люблю», Сэм Макбрэтни, издательство «Розовый жираф»;
- «Дневник кота-убийцы. Все истории», Энн Файн, издательство «Самокат».

2. С момента создания мы еженедельно собираем наш книжный клуб – книжные чтения с мастер-классами для детей от 5 до 14 лет. Читаем книги и по мотивам истории проводим мастер-класс: рисуем или создаем из разных материалов героев книги, их дома, предметы, которые ложатся в основу сюжета. Проводили серию мастер-классов, на которых мастерицы бумажный театр с персонажами из разных книг с разыгрыванием сюжета по книге.

3. В основе нашей популярности – местоположение. Мы находимся в самом центре города, на пешеходной улице, в магазин часто заходят мамы с детьми, поскольку у нас есть детская зона, где можно посидеть, порисовать, почитать с ребенком. Мы активно ведем все соцсети, самый отзывчивый в итоге – Инстаграм. Там мы публикуем книжные обзоры, а в прошлом году стали соорганизаторами книжного марафона @booklook_club.

4. Главным нашим достижением в 2018 году было нахождение правильного местоположения. Для многих становится доброй традицией зайти к нам, прогуливаясь по центру. Также, конечно, расширение ассортимента, создание книжной полки для взрослых, появление интеллектуальных комиксов для подростков. В 2019 году собираемся запустить серию лекций для родителей о чтении с детьми, расширить ассортимент книг на английском языке, больше сотрудничать с авторами и иллюстраторами. Родители доверяют нашим рекомендациям, открывают для себя новых авторов, а не только знакомых с детства, у горожан появляется возможность познакомиться со многими книжными новинками, кто-то же, наоборот, находит у нас современные репринты старых изданий.

**«Банен» (Красноярск),
основатель Ангелина Остащенко**

1. Мы открылись осенью 2013 года.

Топ продаж за 2018 год:

- «Аутсайдеры», Говард Беккер, издательство «Элементарные формы»;
- «В как BAUHAUS. Азбука современного мира», Деян Суджич, Strelka Press;
- «Петровы в гриппе и вокруг него», Алексей Сальников, АСТ; «Редакция Елены Шубиной»;
- «Ильгет. Три имени судьбы», Александр Григоренко, «АрсисБукс»;
- «Памяти памяти», Мария Степанова, «Новое издательство».

2. Выдаем книги в аренду, проводим лекции, детские чтения, организовали взрослый книжный клуб, совместно с Лабораторией гражданского инженерии делаем ридинг-группу по городским исследованиям, совместно с ИЦАЭ – научные чтения. Участвуем в книжных ярмарках, библионочи, музейных ночах.

3. Мы – постоянные участники городских фестивалей, ярмарок. Часто делаем обзоры новинок для СМИ. Зачастую становимся единственной точкой продаж какого-то местного издания, важной для города книги местного автора. Это, кстати, важная вещь для региональных книжных – в федеральную сеть местным изданиям не пробраться совершенно. Мы представлены в соцсетях, да и сарафанное радио в нашем случае хорошо работает. Сами пишем рецензии, делаем видеобзоры, развиваем интерактивную составляющую – проводим книжные челленджи, у нас есть #странствующийбанен – игры, когда нужно где-то искать книгу.

4. Расширился ассортимент. Расширился круг постоянных покупателей. Сформировалось сообщество вокруг «Банена», которое обязательно включает в свою повседневную жизнь наш магазин. Наладились крепкие связи с культурными учреждениями города. В нашем магазине силен интерес к локальным авторам, краеведению. Я думаю, нужно развивать это направление. По топам продаж видно, что покупателям важно наше мнение, они приходят за советом и получают его. Эти доверительные отношения – самое главное.

Борис Куприянов

сооснователь московского магазина «Фаланстер», программный директор Международного московского открытого книжного фестиваля, член экспертного совета Международной ярмарки интеллектуальной литературы non/fiction

– За последние 15 лет ситуация с независимыми книжными в регионах сильно изменилась. Оставшиеся от Советского Союза и постсоветского времени магазины, начиная с нулевых, стали активно закрываться, по причине того что были построены либо на романтике, либо на старых советских законах торговли. Продавать так уже было сложно, книжная торговля не приносила того достатка, тех бонусов, которые приносила в 90-х. Как итог: десять лет назад в стране практически не осталось никаких магазинов, кроме нескольких сетевых с небольшим количеством книг.

Появление независимых магазинов в разных городах, я бы сказал, – это тенденция последних пяти лет. Главное, что их объединяет, пожалуй, – это авторский подход к тем книгам, которые они продают, точнее, считают важным, чтобы они доходили до читателя в своем городе. Отчасти они в какой-то степени берут на себя функцию экспертизы и взаимодействуют с читателем сильнее, чем сетевые магазины, потому что от них больше зависят. Читатель – один из соучредителей подобных магазинов,

**«Пиотровский» (Пермь),
основатель Михаил Мальцев**

1. Мы открылись 22 января 2010 года.

Так как мы не поддерживаем систему рейтингов, просто скажу о книгах прошедшего года, буквально первых попавшихся под руку, которые мне самому понравились, хороших книг было много:

- «Цена разрушения. Создание и гибель нацистской экономики», Адам Туз, издательство Института Гайдара;
- «Пульсирующая материя. Политическая экология вещей», Джейн Беннетт, HylePress;
- «Театр и его двойник», Антонен Арто, издательство «Симпозиум»;
- «Вне критериев. Кант, Уайтхед, Делез и эстетика», Стивен Шавиро, издательство «Гиле Пресс»;
- «Инсентопедия», Хью Раффлз, Ad Marginem;
- «Власть над народами. Технологии, природа и западный империализм с 1400 года и до наших дней», Дэниел Хедрик, издательство «Дело».

2. В сотрудничестве с Центром городской культуры мы организуем лекторий, а в самом магазине регулярно проходят встречи с авторами и презентации.

3. Мы организовали две городские книжные ярмарки, три философские школы по спекулятивному реализму, два фестиваля книг и путешествий «Гений места». Рассказываем о себе в соцсетях и дружественных интернет-СМИ.

4. Книг стало больше.

**«Чарли» (Краснодар),
основатель Анна Кадикова**

1. Мы еще совсем молодой книжный – открылись 14 июля 2018 года.

Топ продаж за 2018 год:

- «Самогон. Aqua vitae по-русски», Дмитрий Пучков, издательство «Питер»;
- «Карты. Путешествие в картинках по континентам, морям и культурам мира», Александра и Даниэль Мизелинские, издательство «Самокат»;
- «Зверский детектив», Анна Старобинец, издательство «Абринобукс»;
- «Гала и Дали: Зазеркалье. В Кадакес, по следам мифической пары», Доменик де Гаске и Пакиста Льюренс Верхес, издательство «Слово»;
- «Мы – это наш мозг. От матки до Альцгеймера», Дик Свааб, Издательство Ивана Лимбаха.

2. У нас проходят лекции на книжные темы в рабочее время, абсолютно бесплатно и нечасто. Главное условие – нам нравится тема и человек, который ее готов озвучить. Нам ближе формат тусовки: выбираем день, приглашаем гостей, варим глинтвейн, фотографируемся и разыгрываем какую-нибудь раритетную книгу. Среди присутствующих, никаких онлайн и гивэев. Такие вечера отзываются теплом.

3. Форматы взаимодействия с городской культурой нарочно не придумываем. Одно из самых крутых событий – фестиваль GeekPicnic, который в принципе всего в трех городах страны проходит (Питер, Москва и мы). Мы вышли с нестандартной для таких мероприятий подборкой независимого сектора и показали, что интеллектуальная литература может быть и такой. В принципе, у нас в магазине нет букинистики. И не было, пока к нам не пришел человек с предложением отдать частную библиотеку своих родных. Это ситуация: «либо свалка, либо распродажа». Когда вопрос не в деньгах, а в спасении оставшихся экземпляров, свалку мы точно не выберем. И мы устроили гаражную распродажу: разложили старые книги стопками на всех свободных поверхностях, написали пост в Инстаграме и все выходные принимали желающих. Социальные сети дают нам достаточно обратной связи, а Google и 2GIS рассказывают, как нас найти. Этого достаточно.

4. За полгода работы изменилось многое: у нас появились постоянные покупатели, которые становятся твоими приятелями и дарят подарки на Новый год. Самое главное, на наш взгляд: в магазине стало больше хороших книг (а открывались мы в лучшем случае с тремя заполненными полками на каждом стеллаже). Больше книг – больше шансов для каждого читателя найти ту самую. Больше книг разных издательств – больше шансов на выживание регионального книжного. ■

Как не растеряться в книжном магазине

Найти хорошую книгу – задача не из легких: литературные критики могут подвести, красивая обложка часто скрывает второсортное чтиво, а увлекательная аннотация не гарантирует интересный сюжет. По просьбе «Селедки» четыре автора телеграм-каналов о чтении дают нашим читателям советы, как выбрать достойную литературу и не прогадать

Валентина
Горшкова,
«Стр. 17»
t.me/stranitca17

1. Заведите читающего друга или откройте эту функцию в уже имеющихся друзьях. Человек, который знает ваши вкусы и настроение, может оказаться самым классным рекомендательным сервисом.

2. Если вы давненько не читали, возьмитесь за то, что сейчас у всех на слуху. Будет возможность поучаствовать в дискуссиях, а если повезет – и в перепалках по теме.

3. Прошерстите списки и составьте свой. Конец и начало года – самое время, поскольку издания и блогеры подводят свои итоги. Выписывайте не только названия понравившихся книг, но и имена авторов списков – это поможет помнить, с кем ваши вкусы совпали, а с кем нет.

4. Попросите совета. Пишущие о книгах люди, как правило, читают больше, чем видно их аудитории. Напишите автору, который вам близок, свой запрос: требует душа чего-то туманного, чтобы все кутались в плащи, ходили к обрыву, писали письма и тревожились? Вот так и сформулируйте. Вероятно, опытный читатель легко к этим симптомам что-то да подберет – например, «Картину мира» Кристины Бейкер Кляйн.

Евгения
Лисицына,
greenlampbooks
t.me/greenlampbooks

5. Если вас интересует отечественная литература, подпишитесь на рассылки от издательств, причем не только от крупных вроде «Редакции Елены Шубиной», но и более мелких, издающих современную русскую. Например, «Лимбус-Пресс» и «НЛО». Новости о новинках будут приходить прямо на почту без лишней рекламы и убеждений, что это лучшая книга в мире.

6. Найдите литературных блогеров и критиков, чьи вкусы совпадают с вашими хотя бы на три четверти. Прислушайтесь к тому, что они говорят про книжки, и мотайте на ус. Причем одного блогера или критика будет маловато, лучше хотя бы парочку или пяток. И если о новой книге будут положительно отзываться сразу несколько фаворитов среди литературных обозревателей, то, очевидно, надо брать.

7. Найдите критика или блогера, с которым у вас вкусы диаметрально противоположны. Просмотрите книги, которые он яростно ругает, хотя многим другим они по нраву. Очень часто это продуктивный способ найти для себя отличную книжку.

8. Просматривайте время от времени шорт-листы российских литературных премий, но не сильно расстраивайтесь, если не можете найти и приобрести какие-то отдельные тексты из них. Три четверти произведений обычно доступны всем и каждому, сосредоточьтесь на них. Лонг-листы – это чтение для искушенных, в них можно завязнуть, так что остановитесь на коротких списках. Только не забывайте смотреть, какую конкретно премию вы шерстите, какая у нее концепция. Если это «Большая книга», то чтение вряд ли будет легким и быстрым. За «НОС» не стоит браться, если вам не нравятся эксперименты с формой и подачей текста. Ну и так далее, обязательно смотрите, по какому принципу жюри отбирает победителей.

9. Попробуйте ввязаться в книжную игру, книжный клуб или совместное чтение – в зависимости от того, что вам ближе и доступнее. Иногда можно открыть жемчужины среди таких авторов, о которых вы раньше никогда не слышали и вряд ли бы вообще с ними столкнулись.

Александр
Карпюк,
«Полка»
t.me/polka_knig

10. При выборе нон-фикшна важно понимать, что вы хотите – хотя бы примерно. Иначе поход в книжный может закончиться как классический гугл-поиск: начали искать что-то по антропологии, а закончили на дневниках Уорхола. Поэтому: если хотите купить книгу по искусствоведению, идите в соответствующий раздел.

11. Не бойтесь, если заинтересовавшая книга ни о чем не говорит. Одна из главных ошибок читателей – бояться неизданного. Лучше обратите внимание на то, кто издал книгу: в России не так много классных независимых издательств, которые дорожат собственной репутацией и издают качественный переводной или отечественный нон-фикшн. Поэтому если вы видите логотип, например, Ad Marginem, Corpus или «НЛО» – скорее всего, вы на правильном пути.

12. Посмотрите, кто написал книгу, и вбейте его имя в поисковик. Если автор – специалист в своей области, то у него должно быть еще несколько трудов, в том числе различных статей.

13. Если ничего из вышеперечисленного не помогло, то прочитайте аннотацию, посмотрите на структуру текста, есть ли комментарии, ссылки. Это помогает составить первый «портрет» книги. Даже неискушенный читатель при вдумчивом прочтении сможет понять, шарлатан написал этот труд или нет.

Александр Шигаев,
«Будни букиниста»
t.me/budnibukinista

14. Если вы выбираете книгу в букинистическом, то беспроигрышный вариант – это русская и зарубежная классика. Можно как угодно относиться к советскому книгопечатанию, но классику в СССР издавали на очень высоком уровне и большими тиражами. Как итог – отсутствие опечаток, привычные (в случае зарубежных авторов) переводы, хорошая бумага, а за цену нового издания «Войны и мира» можно купить целое собрание сочинений в 20 томах. А главное – никаких кинообложек!

15. Еще один верный ход – книги, которые издавали в 90-е. В это время издатели ушли в отрыв и за несколько лет выпустили все то, что раньше было нельзя, а очень хотелось, поэтому западную беллетристику штамповали, как могли. Если вы готовы закрыть глаза на чудные картинки на обложке, то обязательно обратите внимание на перевод – он бывает крайне странным. При этом большая часть «новых» книг в сетевых магазинах по-прежнему издается с теми же переводами, да и дизайн не сильно улучшился.

16. Нулевые подарили российскому читателю то, что принято называть альтернативой – все эти битники, маргиналы, постмодернисты и знаменитая оранжевая серия как раз из тех времен. Большинство изданий до сих пор считается эталонным, так что если вас не пугают жанровые особенности, то это действительно хороший вариант.

17. А самое главное при выборе книги для чтения – меньше доверять аннотациям, раньше времени не читать отзывы и не бояться экспериментировать: возможно, какой-нибудь чех или венгр в начале прошлого века именно для вас свои книги и писал. 📖

Домашние библиотеки

Текст: Мария Калинина
Фото: Илья Большаков

Никто не будет спорить с тем, что читать книги полезно и необходимо. Кто-то даже испытывает себя экспериментами вроде марафонов «Сто книг в год» или «Пятнадцать книг в месяц». И не надо бежать в центральную библиотеку, ведь многое можно найти в интернете. Но есть и такие, кто не перестает коллекционировать и читать книги на протяжении долгого времени. «Селедка» поговорила с некоторыми из таких читателей и узнала, как жить в квартире с семью тысячами книг, в чем их ценность и уникальность и почему так важно при этом быть кинестетиком.

Евгений Александрович Шеронов

инженер Научно-исследовательского института измерительных систем им. Ю. Е. Седанова

— Я родился и до 17 лет жил в селе Вад Нижегородской области. У меня было спортивное сельское детство, поэтому до девятого класса я и книжки читал только про спорт. Потом появились амбиции и интерес к классикам марксизма-ленинизма, философии и литературной критике.

Моя любимая книжка в школе была «Империализм и эмпириокритицизм» Ленина. Предельно хамская, в высшей степени тенденциозная, но одновременно талантливая и пропитанная энергией. Огромное впечатление на меня произвели «Письма из Вупперталя» Энгельса. Ему на тот момент было 18 лет, а мне 17. Я читал и думал, насколько же он умнее меня! Еще хорошо помню, как украл из сельской библиотеки книжку Канта «Пролегомены».

Собирать книги по-настоящему я стал в конце учебы в университете в 1978 году, поселившись в общежитии Нижегородского приборостроительного института. Помню, тогда среди прочего приобрел книгу с письмами и заметками Поля Сезанна за 12 рублей — девятая часть моей тогдашней зарплаты.

Когда женился и съехал из общежития, оставил там несколько ящиков с книгами. Это была идеологическая советская литература — макулатура, по большому счету. Несколько лет назад мы продали садовый домик и там тоже оставили книги. Откуда бы мы ни съезжали, везде оставляли книги. Это стало в некотором смысле традицией.

В этой квартире мы живем с 1992 года, и здесь сейчас приблизительно шесть тысяч книг. Они располагаются на полках хаотично, но все же живут сериями. Основу библиотеки составляют книги по философии, экономике, литературоведению и искусствоведению.

Во время работы в Нижегородском научно-исследовательском приборостроительном институте я часто ездил в командировки в Москву. Там старался покупать много книг. Однажды, возвращаясь из такой поездки, зашел в старый книжный магазин и купил книгу Дмитрия Александровича Пригова. Вышел, довольный, иду, а он мне навстречу. Я ему говорю: «Дмитрий Александрович, вот только что вашу книжку купил. Подпишите!» Он сделал потрясающую, роскошную подпись. Но книгу через какое-то время я потерял.

Иногда начинаю перепроверять книги, особенно ценные для меня. Пока я их не обнаружу на полке, не успокоюсь.

Я трачу весьма приличные деньги на покупку книг. Несколько раз даже пытался запретить себе эти покупки, но почти всегда терпел поражение. Есть для меня настолько интересные и ценные книжки, что, когда я их вижу в магазине, покупаю еще раз. «Контрольный» экземпляр лежит дома, а дешевый вариант ношу с собой где угодно.

У меня двое внуков: одному три с половиной, другому полгода. Мечтаю, чтобы мои книжки дожили до двадцатилетия обоим.

Библиотека Е.А. Шеронова

Библиотека Е.А. Шеронова

Библиотека Е.А. Шеронова

Библиотека А. Останина

Алексей Останин

социолог, музыкант,

бывший заведующий детской библиотеки города Дзержинска

— Интересно, что часто в детстве я ходил в ту библиотеку, где последние несколько лет работал заведующим. В подростковом возрасте мы с друзьями увлекались чтением разной литературы, поэтому при общении наши культурные потоки пересекались, мы обменивались книгами, устраивали обсуждения. Быстро прочитывая то, что находилось в библиотеках, мы покупали книги в магазинах или заказывали друзьям и знакомым из других городов.

В университете приходилось много читать, и в какой-то момент я понял, что полки с книгами встают на коллекционерские рельсы.

Сейчас в моей библиотеке около двух тысяч книг. От мамы, заслуженной учительницы России, мне достался «коричневый» Пушкин, «синенький» Лермонтов и «красный» Маяковский — словом, книжки, которые могут стоять рядом со слониками в серванте. Остальные книги структурированы по направлениям интересов: фэнтези, художественная литература, религиоведение, поэзия и прочее. Мне нравятся Сорокин, Мамлеев, Лимонов, Елизаров. Когда увлекался магическим реализмом, у меня накопилось много латиноамериканских авторов.

Сейчас четко понимаю свои интересы, поэтому легко подбираю себе книги, скорее углубляя изученные мной темы, чем расширяя их. Меня всегда увлекали темные стороны жизни: недобрая музыка, готический

стиль. Я интересовался религиоведением и приобрел книгу «Эрос и магия в эпоху Возрождения: 1484». Пожалуй, эта одна из самых важных книг для меня.

Регулярно посещаю букинистические магазины и развалы. Где-то уже знают мои предпочтения и откладывают книги специально для меня. На одном из развалов я купил фотоальбом 1958 года Карела Плицики «Прага» — оказалось, что это букинистическое издание.

Однажды я даже украл несколько книг из магазина, но мне было совсем не стыдно. Это была история со счастливым концом. Моя девушка решила уволиться из одного книжного магазина, а начальник повесил на нее все долги. Я пришел в магазин и практически демонстративно унес пакет с книжками, дабы восстановить справедливость. Среди прочего там был, например, Питер Гринуэй.

У меня есть несколько книг с автографами писателей. Пару лет назад Эдуард Лимонов приезжал в Нижний Новгород. В конце вечера я подошел к нему с первым изданием его книги на русском языке. Он спросил меня, не украл ли я ее в библиотеке? А я ответил: «Как же я, библиотечник, могу украсть ее в библиотеке?» Завязалась небольшая беседа. Я на тот момент был с косой и бритыми висками. Он посмотрел на меня многозначительно и сказал, что я молодец.

Леонид Юрьевич Большухин

старший преподаватель НИУ ВШЭ в Нижнем Новгороде

– В советское время книга была ценностью материальной и статусной, маркером достатка и социального благополучия. Если верить воспоминаниям, за первое издание книги Высоцкого «Нерв» в качестве взятки можно было получить ордер на квартиру. В моей библиотеке есть это первое издание, но сейчас оно обладает совсем другой, не коммерческой ценностью. Советская библиотека часто собиралась и воспринималась как дефицитный продукт. Очень важно было знать, где ты сумел купить книги, как «достал», какие очереди выстоял, какие неформальные отношения у тебя были с директором книжного магазина или базы. Книга была одной из форм валюты в социалистической системе обмена, а обмен был главным способом решения экономических вопросов.

В нашем доме всегда читали книги, но специально не собирали. Основу библиотеки составляла одна из любимых книг детства – Большая советская энциклопедия, которая сейчас живет в доме моей мамы. Это пятьдесят больших черных томов с огромным количеством иллюстраций.

В детстве я часто проводил время у родственников в Москве на Сретенке, где было много букинистических магазинов, и уже лет в 10–12 любил заходить в эти магазины, ничего еще не понимая, завороченно рассматривал старые книги, чувствуя необъяснимый интерес. В 15 появилось желание покупать что-то конкретное. Первой темой, которая меня увлекла, стал Серебряный век. Моя библиотека собиралась долго и медленно из книг, которые меня интересовали. Одной из первых книг в ней был том из трехтомной антологии русской поэзии со стихотворениями Цветаевой.

В конце 80-х я стал обращать внимание на букинистические толкучки – около книжных магазинов продавали книги разных лет. Интересно вспоминать, как это входило в поле моего зрения, ведь раньше совсем не замечал этого. Порой на таких толкучках начиналась схватка за право купить. Однажды мы с товарищем смотрели с воодушевлением на «Мелкого беса» Сологуба, изданного, если не ошибаюсь, в 60-е годы где-то за Уралом, и он сказал мне: «Ну что, кто первый деньги достанет?» – «Нет уж, давай покупай ты! Не будем устраивать вестернов», – ответил я, и почему-то до сих пор обидно, что уступил.

Библиотека имеет свойство расти незаметно. В начале 90-х я жил в однокомнатной квартире, и моя библиотека, состоящая из трех полок,

легко туда умещалась. Из библиотеки родителей я взял лишь несколько книг, например прекрасное издание документов о Лобачевском, которое моей бабушке подарил автор-составитель академик Андронов.

В 90-е книг в магазинах стало огромное количество, и пока кто-то приватизировал заводы и пароходы, мы, чудачки, покупали книги. Я собирал в основном научную литературу, а художественная была ориентирована лишь на Серебряный век.

Мы были и остались смешными и наивными. Любовь к книге, а в этом чувстве не стыдно признаваться в любом возрасте, – абсолютно детское чувство. Это чистая эмоция, чистая радость, в которой нет практического смысла. Обретая новую книгу, вспоминаю мультфильм «Золотая антилопа». В нем раджа говорил, что золота не может быть слишком много. Для него это плохо кончилось. Но я готов с ним согласиться: книг не может быть слишком много.

Моя библиотека – это слепок меня самого, это я такой, какой есть. Здесь много всего странного, труднообъяснимого, нелепого. Книжки часто попадают ко мне случайно, с чем-то расстаюсь, что-то отдаю, что-то оставляю как артефакт. Некоторые книги покупаю как знак эпохи. Например, недавно ушел из жизни Андрей Битов, а буквально за несколько недель до этого в «Студенческой лавке» мне отдали очень потрепанное издание его первой книги.

Очень люблю детские книги, изданные в 20-е годы XX века. В моей коллекции есть одно из первых изданий «Крокодила» Чуковского с иллюстрациями Ре-Ми (Николай Владимирович Ремизов – русский живописец и график. – Прим. ред.). Однажды я случайно нашел на помойке первое издание «Одиссеи» Гомера в переводе Жуковского. Оно интересно тем, что издавалось в двух версиях. В моем некоторые страницы были заклеены предыдущими читателями (страницы-заплаты прилагались к изданию), чтобы юные девицы начала XIX века не узнали из жизни героев и богов того, что им еще знать не следует. В моей библиотеке примерно десять тысяч книг, часть из которых пришлось увезти в деревенский дом. Успокаиваю себя тем, что я не отправил их в ссылку, а создал им там хорошие, тепличные условия для жизни. В городской квартире книги есть в каждой комнате, они пытаются захватить и кухню. Но перестать покупать книги нельзя. Библиотека живет, когда постоянно пополняется.

Библиотека Л. Ю. Большухина

Библиотека А. Останина

Библиотека А. Останина

Библиотека Л. Ю. Большухина

Библиотека Л. Ю. Большухина

Елена Иванова-Кружкова

профессиональный составитель частных библиотек

– Библиотека, собранная из книг в кожаном переплете, – это далеко не всегда книги, которые ты бы хотел прочитать. И более того, чаще всего это книги, которые ты либо уже прочитал, либо читать не будешь никогда. В любом случае и при любых обстоятельствах стоять, сидеть, лежать рядом с собранием сочинения Платона всегда приятнее, чем с мемуарами и мыслями современных шоуменов, блогеров, певцов, их стилистов и визажистов и массовой современной литературой.

На нашей практике никто и никогда не искал собраний сочинений какого-нибудь российского детективного автора, и никто и никогда не просил переплести это в кожу.

Средняя стоимость одной книги в натуральном кожаном переплете колеблется от пяти-шести тысяч рублей до сорока тысяч за книгу. Собрания сочинений обойдутся в 11–12 тысяч за том. Собрание сочинений Льва Николаевича, например, в 20 томах – считайте сами.

Что собирают? Если говорить об общих тенденциях – то, конечно, чаще всего это классика, отечественная и зарубежная, собрания сочинений. Собирают также историю, искусство, философию. Из современных авторов большой популярностью пользуется Джордж Мартин и его книги из серии «Песнь Льда и Пламени». Встречаются разные случаи: например, люди могут собирать книги, вышедшие строго в год их рождения, или только одной тематики, или вообще одного конкретного автора.

Встречаются и те, кто набирает библиотеку, исходя из размера полок у себя дома, и им не так важно, чем именно эти полки будут заставлены. Важно, чтобы узнаваемо и достойно, но без строгих принципов при подборе изданий. Просто люди знают, что Пушкин – это всегда хорошо, как ни крути. То есть книга или библиотека нередко становятся предметом интерьера, тут они призваны производить впечатление и украшать. И, кстати, достойно с этой задачей справляются. Иногда людям просто нравится красный цвет, и тогда вся их библиотека выполняется в красной коже. А вот что там в красной коже – Высоцкий, Пушкин или Диккенс – уже не так важно. □

Тема номера

Читатель-профессионал

Текст: Валентина Горшкова

Создание книги – это не только возвышенный процесс сочинительства, но и большая последующая работа по вычитке текста, его переводу, созданию аудиоверсии и написанию обзоров. Как меняется процесс чтения у людей, которые делают это профессионально? Мы спросили корректора, переводчика, диктора и критика.

Евгения Орехова
корректор

– Мой стаж работы корректором 18 лет. Собственно художественные тексты в работу стали поступать примерно семь лет назад, до этого были газетная публицистика, реклама. Мечтала сотрудничать с нормальным художественным издательством. Теперь иногда вспоминаю афоризм: «Бойтесь исполнения своих желаний». Немного потерялся тот давний, детский «вкус к книге», когда читаешь запоем, засыпаешь с книгой, просыпаешься с ней же... Когда работаешь, голова всегда должна думать, и от этого «чувственность» текста уходит на второй план.

Замечаю ошибки при чтении любой книги, и, бывает, тут же закрываю, так как невозможно читать неграмотные книги. Или начинаю черкать карандашом. Наверное, я перфекционист. И конечно, падаю и умираю, увидев ошибку. Чаще всего со смеху. Все эти «день пропит не зря» или «ядренные конфликты» иногда приходят ко мне по ночам.

Неточности и ошибки в книгах, на мой взгляд, появились с разрушением в постсоветские годы института редактирования при государственных издательствах, с появлением возможности для авторов издаваться в коммерческих издательствах, без обязательного этапа правки художественного текста, так сказать, в авторском варианте. Это и экономия средств и времени, и даже иногда выражение авторской позиции: знаю авторов, которые убежденно пишут «мальчѐнка-ручѐнка» через «ѐ» и «Петичка-Ваничка» с суффиксом «ичк», подводя под это свою теоретическую базу.

Егор Михайлов
литературный критик, редактор рубрики «Мозг»
на сайте «Афиша Daily»

– Оттого что читаешь очень много, чтение меняется. Разумеется, когда я в два года и одиннадцать месяцев прочитал сам, своими глазами, «Нурочку Рябу», это, полагаю, произвело на меня гораздо большее впечатление, чем когда прочитал нового Алексея Иванова. Когда сомелье пробует вино, он понимает, где нотки почвы, где мандаринов, а где горячей покрывки. Когда человек читает много, и уж тем более когда пишет об этом, он начинает видеть шестеренки. Для меня понимание того, как они крутятся, как текст сложен, само по себе является большим удовольствием. В некотором смысле это компенсирует приглушение восторга. В конце концов, когда случаются книги, от которых прет, а они случаются, то эффект от них еще сильнее. Потому что уже не ожидаешь.

Теперь я все читаю с интенцией, что, возможно, я об этом буду писать. Предпочитаю чтение в электронном виде, потому что можно отправлять себе цитаты, искать по тексту. Я все время что-нибудь выделяю, выписываю, сохраняю себе, теряю, потом нахожу. Иногда эти записки не пойдут в работу, но они пойдут в мою внутреннюю базу данных. Тут такая вещь: когда читаю книги по работе, я работаю; когда читаю книги для души – работаю; когда пишу – работаю; когда пишу в блог в телеграме – работаю. И когда я ничего не читаю, а смотрю сериал или туплю, гуляю, мою посуду, у меня просто сзади, где-то в глубине мозга, роятся мысли – все равно я работаю, хоть и не знаю об этом. Разделения на работу и неработу у меня нет. Единственное более-менее четкое отличие – это открытый или закрытый ноутбук.

Александр Лавров
диктор, радиоведущий

– За двадцать лет работы на радио и около радио я озвучил не меньше полусотни аудиокниг. Преимущественно это яркие и очень понятные издания типа «Десять правил успешного маркетинга», «Как стать счастливым и ничего для этого не делать» и прочие «Сделай себя сам». Лишь изредка мне выпадает счастье читать что-то художественное. Я благодарю Бога за недавний проект с одной крупной федеральной радиостанцией, в рамках которого мы записали сорок часовых программ по произведениям Ивана Сергеевича Тургенева, и это была работа «на одном дыхании». В остальном же приходится себя заставлять «проживать» книги, глубоко погружаться в сюжет (или хотя бы ход рассуждений автора, если сюжета как такового нет!), чтобы оказаться в том, что Михай Чиксентмихайи называл «поток» – состоянием полной сосредоточенности и самоотдачи. Кстати, коль скоро я знаю Чиксентмихайи и его идею «потока» – что-то из прочитанного все-таки пошло на пользу!

Аудиокниги для меня не являются альтернативой чтению. В долгой дороге, за домашними делами, – да, я люблю слушать какого-нибудь Макса Фрая за мытьем посуды, – и во время многочасовых занятий живописью я всегда включаю что-нибудь длинное, атмосферное и незамысловатое. Конечно, мне важно, как исполнена аудиокнига, и, кроме элементарной грамотности в ударениях и отсутствия дефектов речи, книге важно найти свой голос. Так, Макс Фрай повезло с Денисом Веровым, Фандорину – с господином Чонишвили, а Андрею Крузу – с Одином.

Анастасия Завозова
переводчик, главный редактор книжного
аудиосервиса Storytel

– Изменения в отношении к чтению произошли в первую очередь тогда, когда я начала изучать филологию, потому что когда учишься профессионально разбирать тексты, ты их начинаешь читать совершенно по-другому. Самый простой пример: первое время после того, как закончила филфак, я старалась запоминать все имена героев и что происходило в книге, просто потому что у меня было ощущение, что мне это потом нужно будет сдавать на экзамене. Это во-первых.

Во-вторых, как с переводчиком со мной произошли две основные перемены по отношению к чтению текста. Когда читаю текст на английском, машинально перевожу какие-то куски в голове или останавливаюсь и думаю, как бы я перевела ту или иную игру слов, как бы перевела какое-то название, категорию. Ты уже не замечаешь того, что невольно себя останавливаешь во время чтения. Сбивается ритм чтения.

И мне стало довольно трудно читать переводные тексты на русском, потому что я пытаюсь угадать за переводом, какой был оригинальный текст; если это какая-то игра слов, пытаюсь понять, что здесь было в оригинале и как бы я могла это сделать. Это мне действительно мешает. Поэтому я редко читаю переводы с английского языка. Стараюсь читать больше в оригинале.

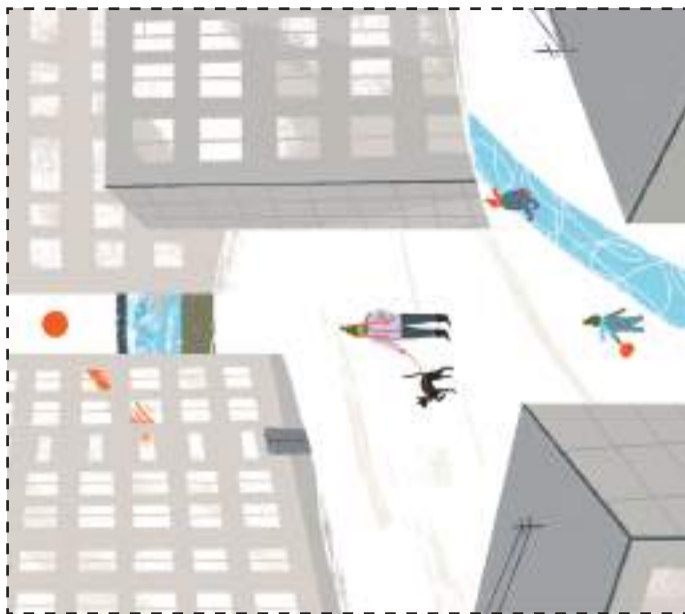
**ПОПРОБУЙ
НОВОЕ**

тел.: 282 32 28
ул. Алексеевская, 13д
☑ @ eatmymeatballs

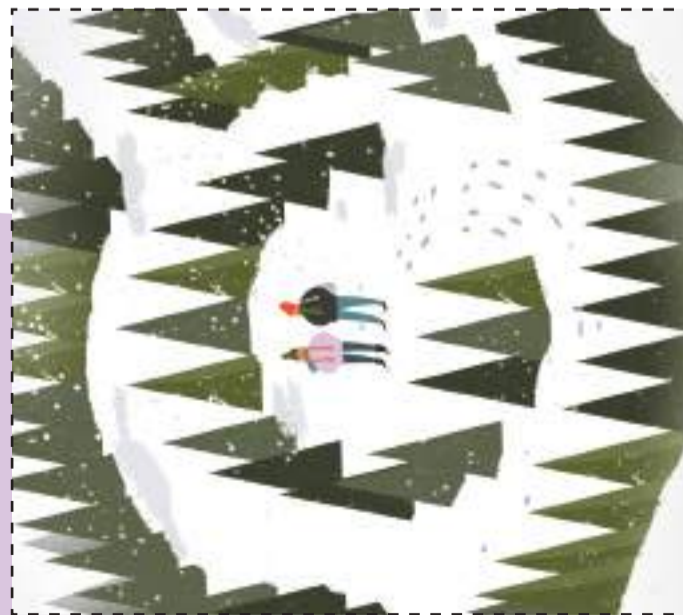
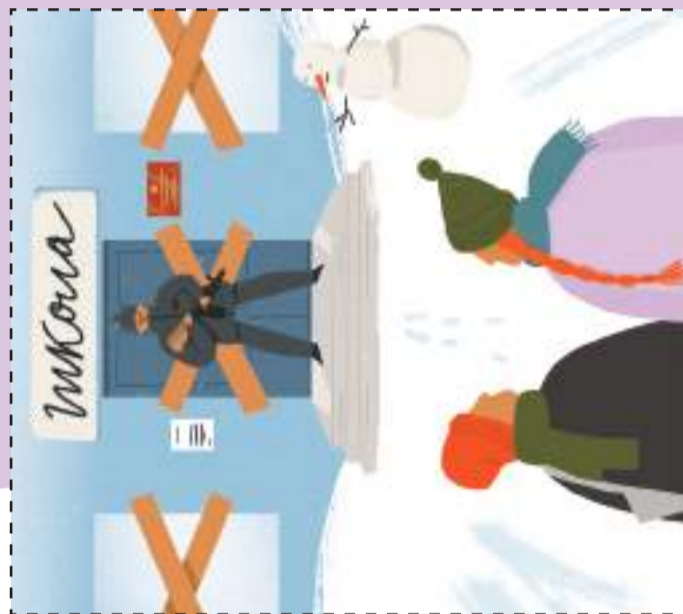
Составь историю

Специально для номера «Селедки», посвященного чтению, мы придумали карточную игру, в ходе которой вы можете составить собственную большую историю. Как будет развиваться сюжет, зависит только от вас и вашей фантазии. Играть можно вдвоем, втроем и даже четвером. Итак, вам нужно вырезать все карточки, которые находятся на двух страницах, перевернуть их картинками вниз и, вытаскивая по очереди, описывать то, что происходит на иллюстрации. Чтобы история получилась складной, нужно продолжать мысль предыдущего игрока. На Нижний Новгород летит комета, девочка покупает таинственную шкатулку, кот примерзает языком к качелям, а гигантский осьминог уже опутал своими щупальцами памятник Чкалову: как все это упаковать в одну большую историю, с чего все начнется и как все закончится – в ваших руках.

Иллюстрации: Анна Граничева

Все, что происходило
дальше, трудно
поддается описанию

Алексеевская, 11

 oo_bar

10 книг, которые можно найти только в Медиатеке Арсенала

Медиатека Арсенала – это 6000 изданий об искусстве и современной культуре на различных языках, надпись «Смотри в небо» на окне и книжными уик-эндами. Это, пожалуй, единственное место в Нижнем, где новейшие книги по краеведению, философии, культурологии, теории искусства, книги о современных художниках и музеях, каталоги выставок и биеннале можно вообще найти и прочитать. Часть этих книг и вовсе является подарками знаменитых гостей Арсенала, на многих из них есть автографы авторов. И все это бесплатно и без предварительной записи, просто приходи и читай. Почему-то до сих пор очень немногие горожане знают о такой опции Арсенала, который посещают прежде всего ради выставок, лекций и концертов.

Для того чтобы было проще лавировать среди множества редких изданий, Анна Железнова подготовила специальную подборку особенных книг, которые можно найти только в Медиатеке Арсенала.

Жан-Юбер Мартен «Карамболяж» Jean-Hubert Martin «Carambolages»

«Карамболяж» не что иное, как каталог одноименной выставки, которая проходила в национальных галереях Гран-Пале в Париже в 2016 году, если можно так назвать трехчастный набор с репродукциями, маскирующийся под книгу. На обложке представлен фламандский сатирический диптих, герои которого сразу предупреждают о том, что лучше не открывать эту шкатулку, иначе «ты разозлишься». В этом есть своя правда, ведь концепция куратора Жана-Юбера Мартена заключается

в том, что ее нет. Нет ни системы, ни хронологии – словом, ничего, за что можно было зацепиться логическое мышление. Эта книга и есть выставка в миниатюре – сами экспонаты представлены в виде гармошки в центре «шкатулки», а по бокам вы найдете книжечки со статьями и описаниями самих экспонатов – все по отдельности, как это и было в Гран-Пале.

Лариса Малюкова «СВЕРХкино. Современная российская анимация. Девяностые/нулевые»

Книга была подарена Арсеналу автором «в день встречи с прекрасной аудиторией». Грандиозный обзор кинокритика и обозревателя «Новой газеты» Ларисы Малюковой – полотно всего профессионального анимационного сообщества современной России в сопровождении множества изображений и кадров из лучших анимационных фильмов. Это тот случай, когда картинка в книге не менее важна, чем текст, а большой формат книги помогает разглядеть набор техник мультипликации. Если вы искали настоящую энциклопедию современной российской анимации, то вот же она (хотя держать ее в руках достаточно тяжело).

Каталог выставки «Николай Ильин в Нижполиграфе. 1922–1931»

Для многих Нижполиграф – один из самых известных брендов города и моментально опознаваемая локация на карте, но чем он так знаменит, сейчас уже сказать трудно. Оказывается, эффект славы этого места расходитя до сих пор благодаря одному человеку – Николаю Ильину, который был графическим дизайнером Нижполиграфа и создал ряд шедевров книжного дизайна, что подняло на высочайший уровень качество продукции этого крупнейшего в городе издательского объединения. В каталоге можно найти фотографии книжных обложек и самих книг, наградные дипломы, приглашения и буклеты. Оригиналы этого собрания сейчас хранятся в коллекции московского искусствоведа Владимира Кричевского.

Сергей Любимцев «Строгановский дворец: послонная расчистка. История реставрации знаменитого здания Санкт-Петербурга»

Настоящая находка для молодых архитекторов, историков и всех, кому интересна тема возвращения памятников культуры к жизни после разрушения или трагичных событий. Строгановский дворец в Санкт-Петербурге – это грандиозный памятник эпохи барокко, который в течение XX века был изуродован и обветшал. Процесс реставрации занял практически 30 лет, и сейчас дворец стал филиалом Русского музея. О том, как этой резиденции знаменитых русских купцов и меценатов Строгановых давалась новая жизнь, и рассказывает эта книга.

Арсений Мещеряков, Дмитрий Скандеров «Россия. 20-й век»

Объемный фолиант, обтянутый ярко-красной холщовой тканью, на которой огромными буквами написано «РОССИЯ». Отличный пример того, как демонстрация визуальных кодов времени начинается уже на обложке. Внутри вы обнаружите сильное преобладание изображений над текстом: политические плакаты, лубок, картины советских художников, а вместо текста – газетные публикации, в которых лейтмотивом стала идейная и общественная повестка. Никаких расшифровок и пояснений, только краткие комментарии в конце – для тех, кому интересно, что такое облигации или что тут делают клыки моржа. Тут обложки и журнала «Огонек», и музыкальных альбомов (Леонтьева не узнать), и даже видеоигры Doom. А под занавес вы слышите голос Валентина Павлова, говорящего, что ваучеризация – это мошенничество.

Каталог выставки «Готика просвещения | Enlightenment Gothic»

Выставка «Готика просвещения. Юбилейный год Василия Баженова» была организована музеем архитектуры имени А. В. Щусева и включала в себя более 140 произведений этого великого зодчего. В каталоге продублирована вся выставка: графика, живопись, скульптура, декоративно-прикладное искусство, исторические артефакты, а также дополнения – произведения Матвея Казакова, Джакомо Кваренги, Джованни Баттиста Пиранези. Книга не ограничена только каталогом – есть статьи исследователей об архитектуре готики и о любимой всеми парадигме «Россия – Европа».

Николай Молок «Русские художники на Венецианской биеннале. 1895–2013»

Венецианская биеннале – один из самых известных форумов мирового искусства, который проводится раз в два года с 1895 года. Павильон России, спроектированный архитектором Алексеем Щусевым, был открыт на ней в 1914 году. Только вот русские художники участвовали в этой биеннале всегда: и до строительства павильона, и во время «холодной войны». Как отмечает составитель, «история участия русских художников на Венецианской биеннале – это фактически история русского искусства XX века». В книге представлено полноценное собрание работ, которые могли встречаться в совершенно разных локациях биеннале, но при этом быть русскими: официальное советское искусство – в самом павильоне, неофициальное – в основной выставке, иногда искусство эмигрантов – в павильонах других стран. Например, Шагал выставлялся во французском, а Кандинский – в немецком павильоне.

Марни Фогг «Мода. Всемирная история» Marnie Fogg «Fashion. The whole story»

Абсолютно полная история моды из каждой части мира – от греко-римских туник и шелкового платья династии Тан до коллекций современных дизайнеров. Каждая глава посвящена определенному временному отрезку, который представлен емким описанием и иллюстрациями или фотографиями. Все это сопровождается разбором деталей одежды или аксессуаров, а также временной шкалой, на которой детально отображается эволюция моды в историческом срезе. Эта книга вызовет настоящий восторг у ценителей и станет незаменимым спасательным кругом для тех, кто хочет просто разобраться в теме. Кстати, очень рекомендуем посмотреть раздел про ASOS.

Марина Абрамович «Чистильщик» Marina Abramovic «The Cleaner»

Всем нам Абрамович знакома хотя бы по знаменитому перформансу «Ритм 0», пост о котором еще несколько лет назад гулял по всем пабликам рунета. 72 предмета, среди которых бритвенные лезвия, пистолет и одна пуля, шесть часов и полная свобода действий для публики. Чем все кончилось, можете легко найти в интернете. Книга The Cleaner – фактически каталог одноименной выставки Абрамович в Стокгольме, которую в свою очередь можно назвать глобальной ретроспективой ее творчества. Это более 100 работ: скриншоты видео, фотографии, инсталляции, объекты и ранняя живопись художницы. На самой выставке демонстрировались даже сами перформансы под ее чутким руководством.

Екатерина Лазарева, Сергей Попов, Ольга Юшкова. Серия книг «Новые классики»

Тут сразу четыре книги, относящиеся к одной серии и представляющие собой обзоры творчества художников, которые уже сейчас могут называться «классиками нашего времени». Первая книга рассказывает о скульпторе и живописце Борисе Орлове, вторая – об основателе концептуализма Эрике Булатове, третья – о художнике Михаиле Рогинском и четвертая – о концептуалисте Викторе Пивоварове. Каждое издание рассказывает о жизненном пути мастера, эволюции его творчества и имеет иллюстрации ключевых работ. Кроме того, сами художники разработали ряд материалов, которые вошли в это собрание: краткий словарь концептов и понятий и главы-эссе.

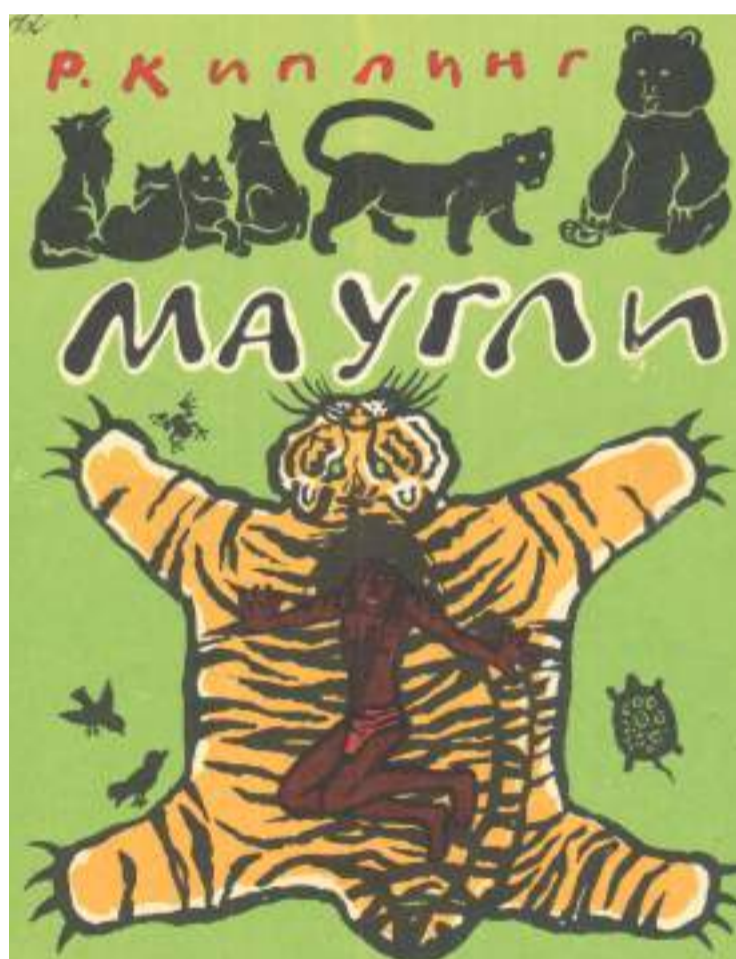
Какие книги выпускало Волго-Вятское книжное издательство

Текст: Алла Бренева

В советское время книги, выпущенные Волго-Вятским книжным издательством, были практически в каждой домашней и уж точно в каждой публичной библиотеке региона. ВВКИ работало с 1921 по 1999 год, сбавив обороты только в самые последние годы существования. Было оно зональное, то есть одно на две области, поэтому снабжало не только горьковчан, но и кировчан художественной, общественно-политической, сельскохозяйственной, производственной и заказной литературой.

Особенная гордость издательства – книги по краеведению. Долгие годы редакцию краеведческой литературы возглавляла Ирина Васильевна Сидорова. Именно она была редактором у большинства известных горьковских писателей, инициатором и составителем первого в России фотоальбома Максима Дмитриева, основала серию «Записки краеведов», создала ряд сувенирных книжек-малюток о городе Горьком, которые получали дипломы в Москве на книжных выставках, а также уникальную нижегородскую пушкиниану.

С помощью бывших сотрудников издательства и работников Центральной городской библиотеки имени Ленина «Селедка» подобрала обложки книг, которые помогают составить представление о работе ВВКИ.

Киплинг Р. Маугли. 1972

Полухтов К. К. Лекарственные растения. 1981

Во имя Победы. 1976

Памятники истории и культуры города Горького. 1977

Лашечников И. И. Ледяной дом. 1988

Горький М. Легенда о Данко. Песня о Соколе. Песня о Буревестнике. 1975

Кочин Н. И. Юность. Парни (с автографом автора). 1966

Ильф И., Петров Е. Золотой теленок. 1970

Ольга Ивановна Наумова

редактор отдела художественной литературы ВВКИ с 1964 по 1972 год

– Эти книги смотрятся в наше время весьма скромно. Но в них видна культура, они сделаны профессионально, оформлены по единым для всего Советского Союза правилам. Книги много раз просматривались, устранялись даже самые минимальные нарушения. Процесс был очень длительным, работа над книгой велась около года.

Был большой штат квалифицированных корректоров. Когда мы уже сдавали книгу в типографию, нам давали оттиски, чтобы как можно меньше было опечаток. Если мы превышали норму ошибок, с издательства списывались деньги. Могли быть выговоры.

Все специалисты читали книги с разным прицелом. Я смотрела, интересный ли текст, как он написан, как построена книга. Корректор искал ошибки. Цензор выискивал иногда совершенно невероятные вещи. Например, был такой автор Жогликов, он написал маленький сборник рассказов, я была у него редактором. В одном рассказе молодой папа гуляет в лесу со своей девочкой, ее зовут Света. Вдруг она видит покосившуюся звезду и спрашивает, что это такое. Отец отвечает, что это могила солдата. «Он погиб, тебя защищая, Света» – так заканчивался рассказ. Вдруг меня вызывают в обком. Оказывается, цензор наступал на меня. Говорят: «Как вы могли такое допустить? Почему у вас в лесу могила неубранная, звезда покосившаяся?!» Мы с автором быстро все исправили, могилу «подровняли».

Такого понятия, как дизайнер, не было, был художественный редактор. Назову два имени, связанных с оформлением книг ВВКИ: Вахтанг Захарович Вешапури, ему уже 84 года, и Виктор Викторович Кременецкий, он совсем недавно умер. Оба очень талантливые люди. Они работали в издательстве постоянно, поэтому не только книги сами оформляли, а вообще все книги проходили через их руки, даже если приглашали другого художника.

С иллюстрациями, например, была интересная история. Поэт-сатирик Сточик сделал сборник стихотворений. В одном из них говорилось, что, если человек заполняет анкету, он пишет о себе все, кроме того, умный он или дурак. И художник Пивоваров нарисовал человечка, у которого вместо головы была печать. Это было остроумно и казалось безобидным. Но кто-то взял зеркало – раньше везде искали скрытые знаки – и прочитал текст на печати: «Издательство Высшей школы». Оказывается, это издательство не заплатило художникам деньги, и они решили так отомстить.

Занков А. В. Завод на Моховых горах. 1983

Берн Ж. Матис Шандор. 1988

Сказки тысячи одной ночи. 1983

Норенков С. В. Архитектоническое искусство. 1991

Ефремов И. А. Тайс Афинская. 1992

История города Горького. Краткий очерк. 1971

Нижегородские хороводы. Составитель К. Е. Корепова. 1989

Волнов А. М. Урфин Джюс и его деревянные солдаты. 1987

Людмила Григорьевна Чандырина

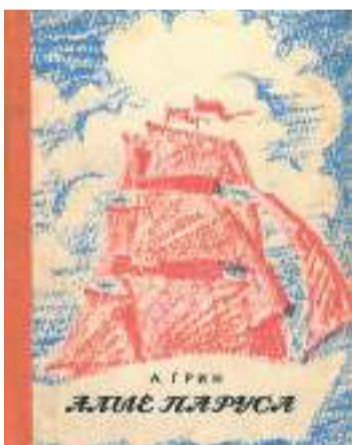
редактор отдела общественно-политической литературы, работала в ВВКИ с 1967 по 1995 год

– Вся историческая, философская, комсомольская литература шла через наш отдел. Уже в 70–80-е годы мы привлекали философов, которые могли сказать что-то отличное от официальной точки зрения. Все книги отправлялись на рецензию в Москву, иногда приходилось отстаивать своих авторов. Когда-то получалось, когда-то – нет.

Был случай: мы издали «Брестскую крепость» Смирнова, и вдруг обнаружилось, что герой книги в чем-то замешан и попал под суд. И все, тираж зарубили, книжка не пошла, наши сотрудники ездили в типографию и уничтожали тираж.

Художественная литература выходила только с рекомендации Союза писателей. У них была своя очередность. Существовал облкниготорг, который получал тиражи, и книги шли обязательно во все книжные магазины: и кооперативные, и областные, и в селах. Тиражи расходились, не лежали.

Коллектив издательства был очень квалифицированным. Каждые пять лет редакторов обязательно отправляли на курсы повышения квалификации в Москву. Краеведы, историки, ученые, медики, вся культурная элита шла в издательство, потому что знали, что здесь всегда выслушают и примут. Это на самом деле была большая семья, в которой было все: и беды, и радости, и неприятности.

Грин А. С. Альце Паруса. 1977

Горьковчане в Великой Отечественной войне. 1977

Елисеев А. И. Родной город. 1987

На рубеже двух веков. Нижегородское Поволжье и Волга в фотографиях. М. Дмитриева. 1988

Илья Тарасов

Центральная библиотека Нижегородского района: как это устроено

В современной библиотеке хочется видеть комфортное пространство под коворкинг, безлимитный Wi-Fi, доступ к актуальной литературе и возможность почилить за чашечкой кофе в недорогом буфете. У нас в городе около 80 еще живых библиотек, где практически ничего из перечисленного сделать нельзя. Из-за отсутствия нормального финансирования им, конечно, тяжело идти в ногу со временем. Нет бюджета на ремонт, оборудование, да и на сами книги. Что же происходит в таких библиотеках? Два Ильи Николаевича, журналист Тарасов и фотограф Большаков, вдоволь начитавшись своими книжками, пошли за новыми в центральную районную библиотеку имени В. Г. Короленко.

Фото: Илья Большаков

Спальный район Печерская Долина (на улице Родионова, между супермаркетом «Лента» и ТРЦ «Фантастика») – это череда однотипных кирпичных многоэтажек, округлых форм, в которых так легко заблудиться. Каждый дом своей длинной протяженностью и закругленными переходами норovit создать уютный двор, а фасад каждого подъезда обрамляет какая-нибудь вывеска: офисы, студии, магазины. Там, на задворках, в тихом месте по адресу: улица Родионова, 199, корпус 2, где открывается скучный вид на гаражный массив, спряталась библиотека. Сразу как-то и непонятно, куда входить, – входа сразу три. Дождавшись первого посетителя, следуем за ним. Запахи и первоначальный оценивающий взгляд сразу дают понять, что мы в бюджетном заведении. Простой ремонт, старенькая мебель и отсутствие явного интереса работников к новым посетителям. Обращаемся к первому попавшемуся на пути сотруднику, и в ту же секунду оказываемся за столом с печеньками и пьем чай.

«Здравствуй, товарищи журналисты, вот именно в эту среду у нас, к сожалению, нет никаких интересных мероприятий. Зато мы вас окружим многочисленным женским вниманием и расскажем о нашей прекрасной библиотеке», – отпартовала замдиректора Наталья Леонидовна. Сразу видно, женщина серьезная, серьезнее нас в несколько раз. Не успеваем сцедить все капли с чайного пакетика, как нас уже ведут на экскурсию: «Вот, смотрите, тут у нас информационно-библиографический отдел, заведующая Валентина Николаевна. Тут отдел комплектования и обработки литературы, знакомьтесь, заведующая Рауфа Масхутовна. Вот пройдемте дальше, здесь отдел информатизации и автоматизации библиотечных процессов, заведующая Наталья Александровна».

Вся библиотека растянулась в длину, как один большой, продолговатый коридор, поделенный на зоны дверными проемами без дверей. «Прямо располагаются отделы комплектования, абонентов, методической работы и маркетинга. Вот, собственно, в первом читальном зале расположен и отдел обслуживания».

Отдел обслуживания – это то, что нам нужно, интересные истории о посетителях, да и сами посетители, мы же тру гонзо делаем тут, а не «Горьковскую правду». «Извините, нам нужно дальше, нас ждет директор ЦБС». Как же много тут работников, и все женщины, матриархат настоящий. Сразу бросается в глаза, что в кабинете директора отсутствует портрет президента. А зря – говорят, к деньгам. «Здравствуй. Как вас звать? Два Ильи Николаевича? Удивительно. Я Валентина Ивановна, директор централизованной библиотечной системы Нижегородского района – ЦБС. У нас семь взрослых и три детские библиотеки. Построила я это здание в 2010 году, здесь 850 квадратных метров, три входа и ни одной пороговой зоны. За это нам вручили премию Министерства культуры «Библиотека без барьеров».

И этот проект продолжается, недавно мы сделали санузел для людей с ограниченными возможностями. Обязательно сфотографируйте его. Эта библиотека не просто книгохранилище, а культурный центр. Здесь у нас проходят разные программы: «Семейный выходной», «Электронный гражданин», «Горьковские штудии» и много других активностей для взрослых и детей».

Выскальзываю из кабинета директора под предлогом самостоятельного изучения помещения. Пытаюсь скрыться в стеллажах с книгами, но тщетно. Меня со всех сторон окружают женщины, в глазах которых филологический напор, от которого мне не скрыться. «Вы же заметили, какие у нас активные соцсети? Вот даже сейчас, щелк – и вы у нас в ленте на ВКонтакте, видели? Еще здесь все анонсы наших мероприятий. Буквально недавно у нас проходил библиомост с писателем Евгением Водолазным. Много наших читателей заинтересовались этим мероприятием. Не то чтобы именно наша библиотека связалась с ним напрямую. Это было такое всероссийское интернет-общение, к которому мы подключились. Но вот осенью с нами в скайпе созвонился очень интересный молодой автор Евгений Чеширко. И все гости библиотеки имени Короленко могли задать ему свои вопросы. Еще мы заметили, что сейчас молодежь очень любит квесты. Диную популярность у нас завоевал наш библиотечный квест «По следам Алеши Пешкова». Для детей была очень большая проблема узнать молодого Горького вперемешку с его современниками Блоком и Гумилевым».

Разглядываю корешки книг и слушаю в четверть уха. Большинство книг – классика, бульварное чтиво и много-много фантастики. На глаза попались «Подводный спецназ Сталина», «Вставай, Россия! Десант из будущего», «Танкист – победитель драконов». Тут же автобиография Димы Билана «Хроники. От хулигана до мечтателя». Хотелось открыть, впустить в свою жизнь историю самого Димы Билана, но рассказы про библиотеку продолжают.

«У нас тут недалеко находится реабилитационный центр с наркоманами. Так вот, на одной из стадий они обязаны прийти к нам, зарегистрироваться и взять книгу. Потом их кураторы обсуждают с ними эти книги, проверяют». Лидер в чарте наркоманов-читателей – драма Максима Горького «На дне». Надеюсь, у них здесь нет Владимира Сорокина, его «Сердца четырех» во многих случаях сработали бы как инсайд во время рехаба, который спровоцировал бы рецидив».

Нужно срочно придумать, как дистанцироваться от работников. Как-то мягко нагнать, вырваться из оцепления и уйти в свободное плавание. Я стараюсь собрать всю картину коллектива воедино. Полный матриархат, группировки по интересам, четкая градация по старшинству, все друг друга называют по имени-отчеству. Наверное, после закрытия у них

тайные голосования и споры, а по ночам они остаются «Некрономикон». Точно, это фильм «Суспирия». Сравнение с ведьмами должно охладить их пыл по отношению к моей персоне. И тут я слышу всеобщий захватывающий смех. «Да, точно. Тайное общество ведьм – это про нас».

Промазал, им понравилось, дистанция между нами сократилась. Приходится сказать все прямо. Столько комментариев от работников – излишнее, хочется побродить без присмотра. «Конечно, конечно, Илья. Только вот как раз наш тот самый туалет для людей с ограниченными способностями. Пройдите, посмотрите, пусть ваш Илья сфотографирует. Сейчас ведро уберу, оно выбивается из стиля санузла».

Почувствовав свободу, я побрел скитаться по длинной библиотеке. Везде много детей. По социальному договору с соседствующей школой № 102 здесь есть продленка. Под присмотром профессиональных педагогов они учатся рисовать, лепить, творить. Когда почти все разошлись, я подошел к девочке лет 14, решил рассмотреть ее творение – изображение глупого кота, такого типичного, как на картинке детской шоколадки. «Это свинья, а не кот. Я срисовала. Мы тут только срисовываем. Ничего добавлять от себя нельзя». Вот оно, наше будущее, такое же, как было.

Возле выхода ходит из угла в угол мужчина лет 60, в одном ухе торчит наушник, в руках – газета «Патриоты Нижнего». Думаю, что настало время обсудить актуальную новостную повестку дня: Украина, санкции, пенсионная реформа, допинг, фигурное катание. Нас мигмом отвлекают от ожесточенного спора, директор забыла показать «скамью Бродского». Деревянный реквизит – лавка, сделанная в духе начала XX века, участвовала в мероприятии посвященном Бродскому, его литовскому периоду.

Наконец-то добираться до Димы Билана. «Взрослые часто не помнят начало своей жизни, но я – исключение. Отчетливо вижу перед собой момент, когда я прибыл в этот мир и издал первый звук – таржественный и опасливый одновременно». Лучшее начало байопика.

Девочки аккуратно мне подсовывают того злополучного Чеширко:

«21 июля.

Долго не писал, после уборки хозяйкой три дня искал дневник. Ничего интересного. Приходил к ней какой-то мужик с цветами, оставался ночевать. Попросил кота нассать ему в ботинки. Тот долго отнекивался, но я пообещал ему достать игрушку из-под дивана. Согласился. Опять получил люлей. Говорит, что я – говно».

Оказывается, это «Дневник домашнего». Понятно.

Несколько раз меня накрывало ностальгией по беззаботному отрочеству. Наткнулся на большую стопку любимого журнала «Игромания» как раз тех самых времен. Раньше вся моя жизнь шла от номера к номеру, как было приятно мечтать об играх, которые не тянул мой комп. В стопке детских настольных игр наткнулся на ту, благодаря которой убито сотни зимних часов 2005 года, «Чужой». Мы не могли с Ильей Николаевичем пройти мимо и не сгонять партейку. Здесь, в библиотеке, появляется ощущение, будто пришел к своей бабушке, разве что пирогами не пахнет. Бегают и хлопчут дети, предоставленные сами себе. Можно порыться в старых вещах, которые были так дороги. Поисковать в большой коллекции ветхих книг что-нибудь интересное. Жаль, что во всем этом так мало современного.

А вот если бы у каждого на районе была открыта хорошая современная библиотека! Тут тебе и свеженький номер «Сеанса» рядом с «Селедкой». Последние книжки от Ad Marginem, «Стрелки» и других актуальных издательств. Полочка с графическими романами и мангой. Кинопросмотры основного конкурса Канн или Венеции. Тут же тусовка сформировалась бы соответствующая. Через несколько лет после такой реформы совсем в другой стране бы, наверное, оказались. И ведь не самое дорогое это вложение будет для бюджета области. Каждый сам сейчас может сделать первый шаг. Прийти в библиотеку рядом с домом и подарить ей хорошую книжку. Местные работники однозначно распорядятся ею как нужно и найдут читателей. Они ведь настоящие проводники в мире книг, жаль, что книг у них там что-то совсем мало. □

14.02

FUTURO
GALLERY

ΔΩ
27.03

TRLV
KSL9
I. SERIY

ΓΑΛΕΡΕΕ **FÜTURO**
Α ΕΛΛΕ
ΤΡΗ ΓΟΔΑ

Тема номера

Литературная премия «ВОЛГА/НОС»

Этой осенью литературная премия «НОС» впервые запустила пилотный региональный проект: жюри в Нижнем Новгороде в ходе публичных дебатов сначала формирует собственный шорт-лист, а потом выбирает и победителя премии. Сформированный шорт-лист отличается от выбранного московским жюри, в него вошли: Зиновий Зиник, Юрий Лейдерман, Наталья Мещанинова, Мария Степанова, Александр Архангельский и Виктор Пелевин. Мы поговорили с финалистами премии о новой словесности и попросили подробнее рассказать о премии одного из ее попечителей – литератора и историка Кирилла Кобринна.

Выбор лучшей книги литературной премии «ВОЛГА/НОС» пройдет 1 февраля в 19:00 в Арсенале. В дебатах могут поучаствовать все желающие.

Юрий Лейдерман

художник, вошел в шорт-лист с книгой «Моабитские хроники»

– Меня попросили дать определение «новой словесности» и порекомендовать нечто для чтения в ее рамках. «Словесность» мне не нравится – к ней прилипает эпитет «изысканная», и дальше – нечто такое кучерявое, пушкинское, в альбомчик. «Новая» мне тоже не очень нравится, потому что за ней маячит то ли угодливое «новенького не желаете-с?», то ли тупота про «хорошо забытое старое».

Впрочем, можно опереться и на «забытое старое». Вот, скажем, мой самый любимый эпизод из самого любимого произведения. С которого, собственно, и начинается европейская литература. Это, конечно, «Илиада» Гомера. В палатку к Ахиллесу, уклоняющемуся от битвы, отправлено посольство вождей с просьбой все же сменить гнев на милость. Ахейцы в отчаянном положении – Гектор с троянцами уже подступают к самим кораблям, им обязательно надо договориться. Но Ахиллес (а ведь он еще совсем юнец!) ведет себя столь заносчиво, что вместо примирения ссора грозит еще больше разгореться. И вот, как повествует Гомер, Одиссей, – а он ведь один из посланцев, он ничего не может сейчас сказать открыто! – только изо всех сил подмигивает и улыбается через стол своему другу Диомеду, дескать: «Не нервничай, держи себя в руках!»

И в этом эпизоде для меня соединено именно то, что делает литературу. Эхо невиданной битвы, становления, трансгрессии, ярости, зверства, атаки. Но с другой стороны – вот эта через века лукавая дружелюбная улыбка Одиссея, подмигивание, готовность к прощению и пониманию, остановка действия, поворот, ритурнель. Иногда это пересечение, этот вдох-выдох могут быть растянуты в тексте от обложки к концовке, иногда – пульсировать в микроинтервале одной строки, между словами, аббревиатурами, буквами. Но именно этими свойствами обладают, пожалуй, наиболее поразившие меня произведения современной русской литературы, которые я открыл для себя за последние годы. В первом случае это «Заметки о чаепитии и землетрясениях» Леона Богданова, во втором – книги Александра Ильяненна.

Зиновий Зиник

писатель, вошел в шорт-лист с романом «Ермолка под тюбаном»

– Весь прошедший год ушел у меня на чтение одной книги. Я впервые в жизни прочел с начала и до конца на английском Old Testament (то есть, по-русски, Ветхий Завет) в стандартной классической версии, известной как «Библия короля Якова». Повествование держится на сложной паутине рифмующихся сквозь все тексты одних и тех же мотивов и мотивировок. Грехопадение, обретение Земли обетованной, освобождение из египетского рабства, возвращение на Родину, строительство Храма, его разрушение и новое пленение, новое грехопадение. Библия в переводе на английский звучит понятней, чем по-русски. Но без комментариев библейский текст темен и неясен, как и в древнееврейском оригинале.

Иудаизм как религия – это бесконечное разгадывание и прояснение скрытого смысла и связей между разными частями и главами Библии: все они магически связаны друг с другом, как детали в конструкции великолепного здания, храма, как извили человеческого мозга. Из комментариев к комментариям выросли Талмуд и философская мистика Каббалы. Но в конце концов от головокружительной нескончаемости, повторяемости этого процесса наведения мостов задаешься вопросом: а что же дальше? Сколько можно? Куда все это движется? Зачем это? Короче: если это и есть вся жизнь, то в чем ее смысл?

То же ощущение замешательства от масштаба скрытых связей между фактами, событиями и идеями вызывают у нас наши собственные записные книжки; в моем случае – по страничке на каждый день, каждый год. В конце года начинаешь вникать в это дневниковое нагромождение и понимаешь, что в этом хаосе слов – целая драма прошедшего года, с лабиринтом связей и ассоциаций из предыдущих лет. Что делать с этими интригующими словесными завалами? Зачем это? Какую из дневниковых линий выбрать главной? В чем смысл этой цепочки слов? Что делать с этой запутанной жизнью?

Все романы автобиографичны – писателю больше неоткуда черпать, кроме как из опыта своей жизни. Все мои романы – это биографичность. Но для преобразования автобиографического хаоса в повествование нужно отыскать – в реальности или в нашем воображении – фигуру рассказчика, персонификацию автора или героя, способного взглянуть на нашу жизнь другим, отчужденным (от тебя самого) взглядом и тем самым придать этой жизни форму, цельность, разглядеть в нагромождении фактов и идей сюжетный ход или просто логику событий – и, таким образом, их смысл.

Перечитывая собственные записные книжки и дневники, наталкиваюсь на страницы записей по-русски. Эти дневниковые записи вовсе не означают, что речь идет о России, русской литературе или русских друзьях; записи эти – о том же ряде событий, что и записи на английском. Они интонационно, с другой точки зрения, проясняют иногда то, что было упомянуто параллельно на английском языке. И если вернуться к библейским аналогиям, то следует напомнить, что английский текст Ветхого Завета – перевод с древнееврейского. Этот переводческий характер религиозного текста присутствовал и в самом оригинале: стандартное издание еврейской Библии включает еще и параллельный текст каждой страницы на арамейском – латыни той эпохи. Вторая часть Библии короля Якова – Новый Завет – был переводом с древнегреческого. Новый Завет – это не просто переход с одного языка перевода на другой. Это переход на совершенно другой стиль мышления.

Ты переворачиваешь титульный лист второй части Священного Писания и понимаешь, что из запутанного, как посты в Фейсбуке, лабиринта библейской эпикей, многоголосья пророчеств, притч, хроник и поэзии ты попал в короткий детективный роман. Это – отчет (изложенный в четырех версиях четырьмя свидетелями) о загадочной жизни, проповеди, смерти на кресте и воскресении богочеловека, взявшего на себя первородный грех и освободившего всех нас от блуждания в потемках ветхозаветного чувства вины. И если вы в этот роман поверили, то все, что было написано до этого, оказывается черновиком, дневниковыми заметками, намеками, предисловием и невольным пророчеством о явлении нового героя.

Новый Завет – это и есть новая словесность. У каждого – своя. И создается она сейчас, ежесекундно, всю жизнь, вновь и заново.

Александр Архангельский

вошел в шорт-лист с романом «Бюро проверки»

– Я не знаю, что такое новая словесность. Потому что литература живет давно, и почти все уже в ней было (вплоть до графического романа). Нечему бросать вызов, потому что мертвое есть везде, в любом направлении, и живое есть везде. Но я не знаю и то, что такое старая словесность. По тем же причинам. И радикальная комбинация условно старых и условно новых приемов – тоже уже давняя традиция.

У каждого автора сейчас никаких обязательств перед средой, аудиторией, издателем, полная свобода, как писать, – и никаких обязательств придерживаться одного стиля. Меняется замысел – меняется прием.

Так что порекомендовать я могу не одну, а несколько очень разных книг. Одну – не могу. Скажем, «Петровы в гриппе...» Сальникова – с установкой на «линию» Андрея Белого и опорой на «Москву – Петушки». И «Учитель Дымов» Сергея

Кузнецова, с опорой на стилизованный реализм (при том, что автор умеет писать принципиально иначе). И оба «Тобола» Алексея Иванова с вязкой стилистикой исторического романа эпохи постмодерна.

Новой словесность сегодня делает отсутствие наезженного – неважно, что именно «наезжено»: реализм, авангард, символизм – что угодно. Новой ее делает такая неопределимая вещь, как сила. Сила либо есть, либо ее нет, дать ей определение мы не можем, но что это такое – очень хорошо чувствуем.

При всем при том как некая интеллектуальная провокация идея «новой словесности», положенная в основу премии «НОС», не просто хороша – она великолепна, как всякая условность, которая позволяет вернуть в литературный процесс ощущение свежести.

Кирилл Кобрин

один из попечителей премии «НОС»

– Премия «НОС» была основана Фондом Михаила Прохорова в 2009-м, и я имел удовольствие входить в состав двух первых жюри (там были Алексей Левинсон, Елена Фанайлова, Владислав Толстов, Марк Липовецкий; позже, после ухода Левинсона, присоединился Константин Мильчин). Мы должны были сформулировать, о чем эта премия, сформировать как бы ее контуры и структуру, придумать повестку. Дело оказалось нелегким. И вот почему.

До недавнего времени в России литература занимала в общественном сознании огромное место. От Карамзина и Пушкина до Трифонова и Бродского именно она определяла то, как наиболее образованная часть общества чувствовала, думала, говорила. Политика, социальные, этические проблемы, представления о Прекрасном русская литература (при отсутствии и (или) слабости «профильных» сфер деятельности) не столько отражала, сколько формировала. Хорошо это или плохо, но такова была особенность русской культуры и русской словесности.

Радикальные изменения в России после 1991 года «поставили литературу на место». Из сверхнасыщенной области концентрации общественных проблем словесность стала еще одним – относительно почтенным – родом культурной деятельности, всего лишь. Более того, последние технологические революции еще дальше отодвинули литературу от мира, который нынешний россиянин, особенно молодой, назвал бы «современным». Соответственно, если и создавать сегодня какие-то литпремии, то только те, что позволили бы вернуть словосочетанию «русская литература» два некогда важных для нее определения: «современная» и «социальная».

С самого начала «НОС» пытался найти – и поддержать – авторов и книги, которые данной задаче соответствуют, продемонстрировать, что литература может происходить в современности, в современном обществе, сформировать язык разговора об обществе и словесности. НОС – это в той же степени «новая отечественная словесность», как и «новая отечественная социальность». И вот наступил новый этап, и связан он с культурной географией России.

«НОС» никогда не был «столичной» премией по составу жюри и месту проживания автора, тем более что дебаты по шорт-листу традиционно проходят в Красноярске во время книжной ярмарки КРЯКК. Тем не менее определенная «централизация», что ли, присутствовала всегда, несмотря на все усилия организаторов и жюри: мир за пределами Москвы оказался слабо вовлечен в дискуссию о «новой словесности» и «новой социальности». Более того, до сих пор – хотя в списке жюри были и есть театральные деятели, журналисты, социологи и прочие – «НОС» оставался частью

литературно-филологического контекста, немного в стороне от других сфер культуры, которые как раз считаются – и являются – по-настоящему современными, вроде «современного искусства». Поэтому, когда «НОС» решил, что называется, «поехать» по России, первая остановка его, конечно же, – Нижний Новгород, и конечно же, – Арсенал. Первый – потому что это один из важнейших центров российской культуры, причем живой городской, а не музейной, культуры; второй – ибо в Арсенале слово «современный» имеет отношение не только к искусству.

Проект Фонда Михаила Прохорова и Арсенала «Волга/НОС» начался летом 2018-го, когда было сформировано нижегородское жюри – а его председатель Евгений Стрелков сделал отличный лого. Механизм работы таков: во второй половине минувшего октября героическое жюри прочло лонг-лист, составленный московским жюри из сотен присланных сочинений. 28 октября в Арсенале прошли публичные дебаты – при участии зрителей составили шорт-лист, который, кстати, не совпадает полностью с шорт-листом, выбранным неделей позже московским жюри. 1 февраля – за три дня до финала «московского НОСа» – «Волга/НОС» объявит своего победителя. Победитель получит премиальную статуэтку и денежный приз. Председатель нижегородского жюри торжественно объявит наше решение на финальных дебатах в Москве 4 февраля, когда будет избран тамшний победитель.

В идеале «Волга/НОС» вот о чем. Если премия – не (с)только про литературу, а и про общество, про социальность, то тут важен взгляд на словесность и на социальность в России вообще, а не в ее столице. Важно напомнить жителям Нижнего (и всех других российских городов), что «литература» – это вовсе не то, что делают и обсуждают исключительно в Москве и Питере, после чего результаты транслируют в регионы. Пора кончать с вертикалью культурной власти в России, ведь страна огромная, интересная, разная. Пора не только сочинять словесность в Нижнем, но ее издавать и говорить о ней здесь, причем говорить языком, который вырабатывается прямо сейчас. Пора переводить русскую литературу из режима «культурных консервов» в настоящее The Now Now.

«Волга/НОС» обязательно будет развиваться, но как именно – станет ясно после финальных дебатов в феврале 2019-го. Много (почти все) зависит от участия публики, заинтересованности местных издателей, медиа, книгопродавцев, библиотек, читательских групп, читателей, писателей – всех. Моя идея: сделать нижегородский Арсенал базой для дальнейшего продвижения проекта в Поволжье, с тем чтобы его название полностью отвечало реальности: «Волга/НОС». Но посмотрим.

Архичтение

Специально для «Селедки» руководитель проекта «Места памяти Нижегородской области» Галина Филимонова рассказывает о том, с какими сложностями может столкнуться исследователь, отправившийся в архив, и зачем вообще читать архивные документы

Чтение в архиве – занятие скорее удивительное, чем обыденное. Местных посетителей подчеркнуто не называют «читателями». В первую очередь это исследователи, оказавшиеся в океане информации, еще никем не отфильтрованной, не разжеванной и не преподнесенной в том или ином ракурсе. Чтобы начать читать в архиве, нужно сначала самостоятельно найти среди гигантских фондов по описям, сделанным архивистами, ту самую единицу хранения (в архивной терминологии она имеет название «дело»), которую, на взгляд того или иного исследователя, имеет смысл заказать для изучения. Эта единица хранения сама по себе – лишь часть гигантского пазла, который может состоять из огромного числа элементов. То есть чтение одного дела редко отвечает на все вопросы исследователя.

Рассчитывать на сотрудников архива в поиске, выборе или рекомендации того или иного дела безыдейно, так как их функция строго ограничивается хранением ценных для истории документов, их систематизацией и обеспечением доступа исследователей к делам, давность которых превышает 75 лет.

Более поздние документы согласно российскому законодательству архив имеет право не выдавать. Но есть и исключения, если речь идет не о секретных источниках информации.

Заказав выбранное дело, нужно запастись терпением. Из-за гигантского потока посетителей архив выдает дела в лучшем случае через неделю, а иногда через полгода или через год после заказа. Рейтинг заказов на доступ к просмотру возглавляют метрические книги из особо ценного фонда хранения. Именно в них вносили записи о дате рождения, бракосочетания и смерти прихожан того или иного храма. Это самая востребованная на данный момент информация, именно она находится в основе восстановления родословных. На сегодняшний день люди, занимающиеся таким поиском, – завсегдаитаи архивов. Их можно встретить здесь чаще, чем профессиональных историков.

Нужно еще быть готовым к тому, что до получения удовольствия от прочтения может и не дойти. Если выбранное и заказанное дело было поражено грибом, то его не выдадут на руки исследователю. Но и в выданном деле могут оказаться свои сюрпризы. То нет страниц (вырвать их могли еще до передачи в архив на хранение или их, например, мог сгубить червь), то особенности правописания других веков могут вынести мозг современному человеку, то сам почерк составителя документа может сделать его нечита-

бельным. В общем, нужно еще иметь, приобретать или вырабатывать навык в расшифровке архивных источников и закладывать дополнительные часы на их изучение, чтобы понять смысл написанного. Серьезным препятствием, к тому же ведущим и к дополнительным расходам, может стать то обстоятельство, что искомые документы хранятся в других городах. Например, тропинка исследователей биографии уроженки Нижегородской губернии, «первой в Европе женщины-врача» Надежды Суслевой идет не только в Нижний Новгород, где расположен Центральный архив Нижегородской области, но и в Санкт-Петербург – в Российский государственный исторический архив, и в Москву – в Государственный архив Российской Федерации и Российский государственный архив литературы и искусства, а также в Симферополь – в Государственный архив Республики Крым, где хранится ее посмертный архив.

Так, чтобы «прочитать» об истории села Чудь Навашинского городского округа Нижегородской области, помимо почти всех перечисленных архивов, придется поехать во Владимир – в Государственный архив Владимирской области, так как Чудь до революции входила в состав Муромского уезда Владимирской губернии. И так далее.

Факты о создании Горьковского речного порта хранятся не только в архиве спецдокументации Нижегородской области, но и в Москве – в Российском государственном архиве экономики, а документы, имеющие отношение к родословной потомка знаменитой дворянской фамилии Языковых, – не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и в Нижнем Новгороде, Владимире, Пензе.

Если пойти по этому пути – пути поиска, предваряющего чтение, то можно уточнить или даже опровергнуть то, что было написано ранее о выдающихся личностях. К примеру, можно найти письма самой Надежды Суслевой, адресованные ее сестре Полине и написанные ею в 1867 году. Именно тогда о ней заговорил весь мир в связи с тем, что она – бывшая крепостная графа Дмитрия Шереметева из села Панино Горбатовского уезда – успешно защитила диссертацию в Швейцарии, в университете Цюриха, став первой в Европе признанной научным сообществом женщиной-врачом и открыв путь к получению высшего образования многочисленным последовательницам. Тогда же ей была присуждена ученая степень и звание доктора медицины, хирургии и акушерства. Но о ее чувствах и переживаниях этого момента и том, что ему предшествовало, от первого лица рассказывают только ее письма, дошедшие до наших дней и хранящиеся в Российском государственном архиве литературы и искусства.

Документы, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве, опровергают опубликованные ранее предположения, что своей карьерой «первая в Европе женщина-врач» обязана отмене крепостного права в 1861 году. Первым в семье Суслевых «отпущенную на волю» от графа Дмитрия Шереметева получил Василий – старший брат

Надежды. Произошло это за семь лет до отмены крепостного права, в 1854 году, – «для поступления в средние казенные учебные заведения, без всякого за то взъяснения». Вслед за братом, в 1856-м, была «отпущена вечно на волю» и Надежда, а уже потом от крепостной зависимости были освобождены их родители – Прокофий Григорьевич и Анна Ивановна Суслевы. Авторы многочисленных публикаций о «пионерке женского движения» настойчиво тиражируют документально не подкрепленное предположение о том, что «ее родители были крепостными графа Шереметева, получившими в дальнейшем вольную. Благодаря этому обстоятельству дети Суслевых смогли получить среднее образование в частном пансионе». Архивные источники указывают на другую, более сложную и любопытную схему взаимоотношений между Суслевыми и Шереметевым, в которой еще предстоит разобраться.

Настоящие сюрпризы и открытия могут ждать и тех, кто интересуется собственной родословной. «Два слова о том, что натолкнуло на исследование, – рассказывает потомок знаменитого дворянского рода Андрей Языков. – У меня достаточно рано умер отец, в 1987 году, еще во времена Советского Союза. Он никогда не рассказывал о своей семье. И только в начале 2000-х, когда мне стал доступен интернет, я смог найти зацепки. Выяснилось, что мой дед Сергей Языков был арестован и расстрелян в 1938-м. Запросив данные в архиве, я получил дело, в котором запротоколирован допрос деда, где он рассказывает историю своей фамилии. Именно этот рассказ и стал основанием для его расстрела только из-за того обстоятельства, что Языковы были включены в «Алфавит дворянских родов». Со временем, оправившись от шока, я заинтересовался XVII–XIX веками, когда ветка Языковской родни жила в Нижегородской губернии. Архивные документы не только говорят о том, кем именно были мои прямые родственники, включая

нижегородского вице-губернатора надворного советника Михаила Дмитриевича Языкова, но и дают информацию о том, какими населенными пунктами они владели вплоть до отмены крепостного права. Так, только по Ардатовскому уезду Нижегородской губернии в связи с Языковыми упоминаются: Смолино (владение), Сунгулово (владение), Худоши (здесь был храм, в котором крестили детей сунгуловского помещика Языкова), Камкино (владение).

Поводом для обращения в архив часто становится семейная легенда, врезавшаяся в память с раннего детства, которая не дает покоя и требует документального подтверждения. Например, для потомка священнослужителя церкви Покрова Пресвятой Богородицы Яна Валье мотивацией для архивного

поиска стало предание, что его предки приглашены в Покров «издалека» для строительства или реконструкции местной церкви. Потом они служили при храме в течение нескольких поколений, а последний из них, Петр Лонской, был репрессирован по церковному делу и расстрелян в 1937 году. Изучая связь своих предков с селом, Валье установил ряд интересных

фактов. К примеру, один его родственник, Моисей Пласкин, в 1774 году был атаманом у Емельяна Пугачева, который проходил с войском через Покров, а другой, Александр Егорович, работал управляющим у помещицы Лавровой, которая в 1821 году для перестройки Покровской церкви пригласила в село знаменитого архитектора Михаила Петровича Коринфского. Предполагая, что его предки пересекались с Коринфским в процессе реконструкции церкви, Ян начал искать архивные документы об истории этого храма на бывшем Симбирском тракте. Одна из находок – «Чертеж церкви Покрова Пресвятой Богородицы в селе Покрове Гагинской волости Сергачского уезда», выполненный в 1925 году «с натуры согласно Обязательного Постановления Президиума ЦИК'а за № 91 от 11 августа 1924 года» – имеет общественную значимость, ведь этот храм, перестроенный по проекту выдающегося архитектора, в 1939 году был варварски разрушен.

Получается, что многие исследователи, стремясь опубликовать результаты своих изысканий в Сети или в специальных изданиях, чтобы распространить своих находки для максимально широкой аудитории, по-настоящему бескорыстно помогают восстановить утраченные страницы истории тех или иных населенных пунктов, решают некоторые фактические загадки, закрывшиеся в биографии известных личностей. Устраняют белые пятна. □

ЮПИТЕР

КОНЦЕРТНЫЙ ЗАЛ

14

АПРЕЛЯ

НАЧАЛО 19:00

МЮЗ

16+

БИЛЕТЫ НА САЙТЕ: MILOCONCERTHALL.RU

redkassa.ru

БИЛЕТЫ
БЕЗ НАЦЕНКИ

+7831 **2809797**

ЗАКАЗ БИЛЕТОВ: 428-99-99 ☺ KASSIR.RU

Тема номера

Современная поэзия

Литературтрегер и куратор поэтических фестивалей Евгений Прощин собрал на одной странице «Селедки» главных, по его мнению, поэтов из Нижнего Новгорода и выбрал лучшие их тексты

Нижнему Новгороду вообще повезло, он по праву один из главных региональных центров современной поэзии. Прежде чем перейти к разговору об авторах, нужно в миллионный раз попытаться определить, что вообще можно называть этой самой поэзией.

Всякая ее формула является промежуточной, нет такой волшебной алхимической реакции, которая позволила бы выделить все ингредиенты и составляющие без остатка. Но кое-что все же ясно. Оттолкнемся от того, что в России принято считать поэзией практически любое версификаторство, поэтому необычайно сложно отделить достойное от неприличного. В англоязычной традиции с этим гораздо легче, потому что там есть poetry (то есть именно поэзия) и lyrics (тексты песен, стихи на случай, в газетах и прочее). Тем не менее можно предложить очень простую градацию. Современная интернет-культура с ее волюнтаристским правом на автопубликацию в тех же социальных сетях находится в самом что ни на есть эстетическом подвале. Сетевые пусторосли, некоторые из которых в итоге пробиваются в маленькие зальчики и устраивают свои поэзоконцерты, представляют старую и недобрую теорию самовыражения. Дескать, главное в поэзии быть искренним, и люди к тебе потянутся. Это ошибочно по факту. Искренность совсем не значит наивность, художественная безграмотность. Как говорил еще Бахтин, поэт – это голос в хоре, данные же голоса беспомощно повисают в воздухе, несмотря на все старания дать публике эмоции и попросту монетизировать свой символический капитал.

Самое интересное обнаруживается там, где авторы заняты не собой или искоренением духовно чуждых русской традиции поэтических форм, но самим поэтическим языком.

В Нижнем Новгороде есть по меньшей мере три десятка авторов, основной чертой поэтики которых является установка на инновационность, приращение смыслов, полноценное художественное мышление. Часто это выглядит непривычно. Кажется, что перед нами деформации грамматики, некоторая неясность, а точнее неясность образной системы. Впечатление это поверхностно, то есть обманчиво, ведь перед нами и есть та работа с языком, который не используется «по умолчанию», но как бы говорит, знакомит нас с теми возможностями, которые попросту незаметны у его бытового двойника.

Вряд ли стоит говорить, что в Нижнем сложилась полноценная поэтическая школа, для этого нужно гораздо больше времени, чем существуют проекты, связанные с таким пониманием поэзии. Однако наш город обладает на редкость позитивной динамикой, и данная маленькая антология вмещает в себя только небольшую часть авторов, требующих к себе пристального внимания. □

ЕВГЕНИЯ РИЦ

Восьмилетняя девочка с куклой наперевес
Прозревает духов. Презирает духов
За лишний вес,
За их луковый запах и отсутствие всяких луков.
Она-то думала, все будет не так,
Думала, вострубят
Канализационные люки,
И у больших и не очень умных ребят
Рты закроются и не в такт
На замахе опустятся руки.
Но улица стынет, кукла беспозвоночно висит
И сентябрь подходит к началу второго года.
В ее жизни это первый, но отнюдь не последний визит
Подобного рода.
То их пленкой услышит, то краем одной стопы
Ощутит подземное дуновение,
То ей кто-то крикнет: «Дыши! Не спи!» –
И она еще глубже заснет и задышит лежащей тенью.

Дело – труба. И даление льды
В заостренном теперь глазу
Будет видно с испода как белый дым
И как серый дым и мазут.
Ни о чем не печалься, асфальтоукладчик
На исходе осенних сил,
Под землей не видно, не видно и над Землей
Шерстяного парка один настил
И другой трикотажный слой.
Смой со лба и сотри с руки
Эту птицу, летя на юг,
Она делает в небе круги, круги.
Это все ближний круг.
Это все говори себе не стоит и не стоит,
И нога завязнет, как вязнет дно
У тебя в глазу молодой и наивный стыд
Пересыплется на зерно,
Перепреет на воздух и на покров
Упадет не позже, чем середина дня,
Вся покрытая коркой мослов и слов,
Будет выбрана из огня.

КАРИНА ЛУКЬЯНОВА

лето внутри каталога изломанных линий
пережаривает прогоны отсутствия
выдох на переходных станциях

видишь расставлены
в своем роде макеты дыхания
вот они проникают под землю

на vhs повторяется verse
где рука задевает руку
образец заполнения
воспроизводит подобие

поиски места для линии сгиба
фотодетектор стоп-кадр
только попробуйте
кажется нет

АРТЕМ ФЕЙГЕЛЬМАН

–

спрашивают где ты была?
а я не могу ответить
я исходила весь город
закрыты торговые центры бутики стоки шоу-румы
работают только библиотеки картинные галереи театры

я делаю селфи на фоне вечерних улиц
пальцы выводят #prada #armani #mcqueen
но в сеть улетают
#набаревольтер #вхутемас #баухаус

–

куда запрятал ты еврейские ключи
арийские замки на страже
как если б скальпель школьный воздух чист
и сердца ход торжественней и реже

ПЕТР ЛИКИН

Именно ранней весной
Шум морфия в холодных скульптурах парка –
Как будто растут бледные цветы.

Опьяненная дальней музыкой в ветвях и колоннах,
Ты проходишь среди волшебных каруселей,
Мерцающая клетчатой юбкой в тени –
И странные листья приближаются к живому лицу.

Советское здание венчают сумрачные скульптуры.
Внезапный свет восходит к ступеням.
Люди печально пересекают границы кино.

Древние минуты покоя.
Блуждаю огни в освободенных березах.
В радостном воздухе сияние и смех –
Сон повторяет и происходит опять.

Дорога: снежные кусты, изваяния, птицы.
Памяти отраженные аллеи
Сопровождают звуковой коридор.

Внутри отключенного фонтана
Раздается смех и пасмурная голубка
Всегда в глазах: север, полет.

Мы проходим за шлейфом сталинской кавалькады,
Говоря о траурных окнах.

Свет долетает, как будто ангел, узнавший причины моря.
На параллельной дороге становится снежный воздух.
Моменты покоя обволакивает ветер сердец.

Послушная голубка кружится над имперской могилой.

Мы можем улыбаться и смотреть на европейский закат.
И радостно как в раю: на экранах войны.

ДМИТРИЙ ЗЕРНОВ

Если мы друг у друга умрем,
Ты, пожалуйста, не забывай
Выключать в туалете свет,
Принимать перед сном витамин,
Выходить раз в неделю гулять
И нуда положила очки.
Если мы друг у друга умрем,
Ты их стеклами вниз не клади.
Если мы друг у друга умрем,
Ты, пожалуйста, не начинай
Размещенный пиратами том
Приключений в волшебной стране.
Понимаю, что долго ждала,
Понимаю, что это седьмой.
Если мы друг у друга умрем,
Подзарядка от книжки – в столе.
Если мы друг у друга умрем,
Ты, пожалуйста, не размещай,
Я сказал бы, совсем не ходи,
Но в героях был патч на геймплей,
А в знакомых был новый виток –
Может, станет понятней, кого.
Если мы друг у друга умрем,
Твой пароль, если что, зердв.

ЕВГЕНИЙ СТРЕЛКОВ

Из цикла «Троицкий»

ПОЛИГОН НОЧЬЮ

Вооружившись огромным зеркалом
небесного окулиста
шаря в потемках глазного дна
яростного Ориона
бесцеремонно
ощупывая его
выжигая транзисторы
разыскивая
разума неземного зерно
в редкой и колкой небесной соломе.

Ночью бессонной распахнешь окно:
локаторы подрагивают в полудреме.

ВОПРОШАНИЕ ТРОИЦКОГО

Двух сыновей
я посвятил тебе
божественный Орион
ныне оба трудятся в небе
забрасывая радиосети неутомимо.
Три полигона стоят нерушимо.
И каждую ночь на каждом
черные луны разума
поднимаются на тонких тросах
вопроса:
что же молчат звезды?

во сне идешь на посторонний плеск
в тетради на столе двоится почерк
раскрыт как книга придорожный лес
и под ногами кровь и почва кровь и почва

воспоминание об уколе с видом на стадион
вдруг медсестра перепутает иглы ампулы прочие склянки
из-за ширмы льется надрывный голос селин дион
и от этого чуть сильнее дрожат колени

игроки вдалеке разваливаются на текстуры
в ожидании боли и это прекрасный пейзаж для очей отдых и праздник
стадион водник зажат между двумя объектами современной
нижегородской архитектуры

имя которым титаник и айсберг

Угадай литератора

Закрепляя за тем или иным литератором эпитет «нижегородский», нужно помнить о том, что он обладает большой степенью условности. Эпитет этот не прикрепляется намертво и навсегда, а служит лишь средством обозначения разных форм биографической причастности к столице Поволжья. Кто-то из литераторов мог прожить в Нижнем Новгороде всю жизнь; кто-то – провести в нем несколько лет; кто-то, как, например, современный писатель Алексей Иванов, – лишь родиться в нем, чтобы очень скоро его покинуть. Таким образом, «нижегородскость» – это не столько постоянное, данное от природы качество, сколько весьма переменчивый признак, навязываемый по чьему-либо желанию. Кроме того, и слово «литератор» не свободно от вольных толкований, поскольку может включать в свое содержание как тех, кто постоянно хранит верность изящной словесности во всех ее формах, так и тех, кто занимается ею периодически, время от времени, отдавая свои силы и другим видам творчества.

Доктор филологических наук и литературовед Алексей Коровашко, учитывая все эти замечания, которые, как вы сейчас убедитесь, не были лишними, предлагает попытаться определить, какие именно нижегородские литераторы соответствуют приведенным ниже характеристикам.

1. В детстве, воображая себя Наполеоном, сочинял письма и распоряжения от его имени; в молодости вызволил свою возлюбленную из дома терпимости; через 57 лет после смерти удостоился первого памятника, который, в свою очередь, был через шесть лет смыт наводнением.

- Александр Гациский
- Николай Добролюбов
- Дмитрий Писарев

2. Писал торжественные оды в честь вельмож и правящих монархов, но куда больше времени уделял созданию фейерверков и различных технических гаджетов; стал первым часовым мастером в Нижнем Новгороде; был трижды женат, последний раз сочетался законным браком в 70-летнем возрасте.

- П. И. Кулябко
- Василий Баранчиков
- Иван Кулибин

3. По одной из версий псевдоним этому писателю придумал Владимир Даль; когда он женился второй раз, обряд венчания проводил отец Николая Добролюбова, а в роли шаферов выступили Владимир Соллогуб, автор повести «Тарантас», и Александр Аксаков, изобретатель термина «телекинез»; уже при жизни этот писатель стал персонажем фольклора, в том числе легенд, в которых ему приписывается служение дьяволу.

- Павел Мельников-Печерский
- Николай Храмцовский
- Петр Альбицкий

4. Считается фактическим создателем «живого журнала»; будучи студентом, женился на бывшей возлюбленной Достоевского; преподавая в Елецкой гимназии, выступил инициатором исключения Михаила Пришвина из этого учебного заведения.

- Владимир Короленко
- Евгений Чириков
- Василий Розанов

5. Своим распространением в русском языке слово «интеллигенция» обязано именно этому человеку; помимо заслуг на литературном поприще, он изобрел закусочный салат «Ерундопель» (смесь икры, прованского масла, уксуса, горчицы, лука, сардин, огурцов и вареной картошки); Александр Твардовский заимствовал у него название своей самой знаменитой поэмы.

- Александр Сухово-Кобылин
- Петр Боборыкин
- Владимир Даль

6. В юности жаловался на «зубную боль в сердце»; первую гражданскую жену, с которой жил в съемной бане, усыпил однажды чтением только что написанного рассказа, впоследствии ставшего хрестоматийным; своим внешним обликом пытался походить на Фридриха Ницше.

- Петр Заломов
- Марко Паняш
- Максим Горький

7. Среди писателей-современников был известен как «мастер триолета»; долгие годы считал водку лекарством; его самый главный роман можно воспринимать как нижегородскую версию «Будденброков» Томаса Манна.

- Иван Рукавишников
- Матвей Башкиров
- Николай Бугров

8. Один из своих романов посвятил оправданию убийцы Лермонтова – Николая Мартынова; изготовил огромное количество литературных мистификаций, неоднократно вводивших в заблуждение литературоведов; некролог, написанный этому человеку Ходасевичем, опередил его реальную смерть почти на 25 лет.

- Борис Корнилов
- Борис Пильник
- Борис Садовской

9. Ленин называл этого писателя «большим мальчиком»; во время его творческого вечера умер известный литературовед, один из основоположников «формальной школы» Борис Эйхенбаум; биографию этого писателя-нижегородца написал другой писатель-нижегородец.

- Анатолий Мариенгоф
- Велимир Хлебников
- Михаил Матюшин

10. В начале своей литературной карьеры, занимаясь журналистикой, использовал множество псевдонимов, среди которых было даже имя его кота (Стонгард); на первый роман этого писателя написал рецензию Петр Авен – владелец «Альфа-Банка»; в экранизации одной из своих повестей сыграл роль одного из персонажей этой повести.

- Эдуард Лимонов
- Захар Прилепин (Евгений Лавлинский)
- Осип Бес

РЕЗУЛЬТАТЫ ТЕСТА:

1–3 правильных ответа

Нижегородские литераторы для вас – это прежде всего Добролюбов и Горький, что неплохо, но все-таки попробуйте почитать уже труды и ДРУГИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

4–7 правильных ответов

Вы можете идентифицировать Боборыкина и легко отличите Бориса Корнилова от Бориса Садовского. Очевидно, за плечами филфак.

8–10 правильных ответов

Алексей Валерьевич, это вы, дорогой наш составитель? Одним словом, вы либо любознательный краевед, либо завсегдадатай Ленинки. С вами приятно иметь дело.

«Нас не так мало,
как вы полагаете».

Иван Тургенев

Если вы хотите поделиться гениальной мыслью по поводу содержания газеты и ее будущего, можете написать письмо нам в редакцию. Заранее спасибо. seledka@ekproject.ru

Селедка № 1 (69) январь-февраль 2019 г.

www.seledkagazeta.ru

Учредитель: ООО «СОБАКА.НН», 603093, Нижний Новгород,
ул. Ковровская, 11а, тел. +7 (831) 433-95-84, 433-87-63
Периодичность: 1 раз в 2 месяца

Тираж: 9000 экз.

Отпечатано в ООО «Профи Принт» (типография «РИДО»,
603074, Нижний Новгород, ул. Шаляпина, 2а, тел. +7 (831) 275 14 04

Главный редактор: М.И. Гончарова

Арт-директор: Александр Нурицын | Верстка: Анастасия Карпова

Реклама: Илона Лапшина | Обложка: Кирилл Кто

Над номером работали: Илья Большаков, Алла Бренева, Анна Гараничева,
Валентина Горшкова, Александр Гулинов, Анна Железнова, Мария Калинина,
Александр Карлюк, Алексей Коровашко, Лидия Кравченко, Евгений Прошин,
Илья Тарасов, Галина Филимонова.

Адрес редакции:

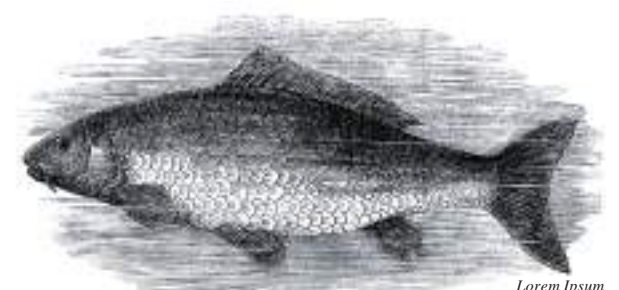
603093, Нижний Новгород, ул. Ковровская, 11а
тел. +7 (831) 433-87-63.

Газета зарегистрирована в Управлении Федеральной службы по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
по Приволжскому федеральному округу (Управление Роскомнадзора
по Приволжскому федеральному округу). Регистрационное свидетельство
ПИ № ТУ52-01177 от 27.12.2016 г.

Перепечатка материалов газеты «Селедка» невозможна без письменного
разрешения редакции. Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения
редакции.

Номер подписан в печать 22.01.2019 в 11:00, по графику 22.01.2019 в 11:00.

Дата выхода в свет 29.01.2019. Распространяется бесплатно.

Lorem Ipsum